

Карьера доктора Рауса

Пьеса в трех актах

Акт первый

Сцена первая

Отдел маркетинга корпорации Якуба Бабича. За офисным столом сидит старший менеджер отдела. Перед ним, в нервной позе посетителя, Доктор. На столе у Менеджера – стопка бумаг. За спиной у Доктора – флип-чарт. На заднике сцены светом выведены цифры 1515. Менеджер что-то пишет карандашом, потом откладывает записи и устало поднимает голову, смотрит на Доктора.

Менеджер. Так. Идем дальше. Следующий. Кто следующий? Имя.

Доктор. Франак.

Менеджер. Фамилия.

Доктор. Скорина.

Менеджер. Помню такого, сейчас найду CV. И почему я этим занимаюсь? Почему не эйчары?

Что за жизнь? Шесть минут до перерыва на обед! Какое, кстати, предыдущее место работы?

Доктор. Я временно безработный.

Менеджер. Тунеядец, значит.

Находит CV Доктора, просматривает.

Менеджер. Что тут у нас? Лишь бы что тут у нас. Краковский университет, liberal arts.

Придумают же - liberal arts! Гуманитарий, короче. Не удивительно, что сидите без работы.

Хм. Дальше. Падуя. Доктор медицины. Совсем весело. И что, вы мне скажите, уважаемый Франциск Лукич, вы собираетесь делать в нашей корпорации? Якуб Петрович Бабич ни фармацевтикой, ни философией не занимается. На какую позицию вы претендуете?

Доктор. Тут, наверное, какая-то ошибка. Я потому и попросил о встрече с представителем вашего уважаемого отдела, что не трудоустроившись пришел. У меня другое предложение.

Менеджер. И какое же?

Доктор. Вот, смотрите.

Доктор достает книгу и осторожно подает менеджеру. Книга сделана из листов, которые склеены вручную и обернуты отрезом кожи.

Доктор. Видели такое?

Менеджер осторожно листает книгу. Потом шелестит ей, быстро перелистывая страницы, будто музыкальным инструментом. Он пытается понять, как пользоваться книгой, но не понимает ее назначение.

Менеджер. Так! Видел! Много раз! Телевизор называется, да?

Доктор. Нет, не телевизор. Это – гаджет для чтения. Ну вот как вы сейчас мое CV читали...

Менеджер открывает книгу и начинает с умным видом листать страницы.

Доктор. Смотрите. Во всем вашем офисе нет ни одной такой. Нет?

Менеджер. Нет.

Доктор. Потому что это очень дорого.

Менеджер. И потому что нам это не нужно.

Доктор. Но и очень дорого. Чтобы переписать один экземпляр скриптор работает от шести

месяцев до года. Отсюда и цены.

Менеджер. Ну и ненужно.

Доктор. Но один немец изобрел способ не переписывать, а оттискивать тексты. Как вино. Быстро. Дешево. Для всех.

Менеджер. Но оно же ненужно!

Доктор. Не нужно, потому что дорого!

Менеджер. Ненужно, потому что ненужно!

Доктор. А вы попробуйте!

Менеджер открывает книгу и начинает произносить вслух записанный в ней текст. Это отрывок 7-й главы «Похвалы глупости» Эразма Роттердамского: *«Nomen igitur habetis: Viri, Quid addam epitheti? Quid nisi stultissimi? Nam quo alio honestiore cognomine Mystas suos compellet Dea STULTITIA? Sed quoniam non perinde multis notum est, quo genere prognata sim, id iam Musis bene iuvantibus exponere...»*.

Менеджер (резко зарывает книгу). И что, вы думаете, наши люди будут читать на латыни?

Доктор. Они будут читать по-нашему. На нашем языке.

Менеджер. На нашем языке?

Доктор. Да, нашем. На том, на котором мы сейчас говорим.

Менеджер. И что это за язык?

Доктор задумывается.

Доктор. Русский.

Менеджер. Русский?

Доктор. Очевидно. Русский. И читать они будут по-русски.

Менеджер (задумчиво). В этом что-то есть. Я думаю, мы можем взять на реализацию в сеть наших гипермаркетов шесть. Нет, даже семь. Или, сколько вы сказали, у вас их имеется?

Доктор. Тут проблема.

Менеджер. Какая?

Доктор. Книги еще не напечатаны. То есть, все готово, я перевел с чешского текст, изданный в Венеции...

Менеджер (перебивает). То есть, вы пришли сюда не сдавать товар на реализацию?

Доктор. Нет.

Менеджер. И не устраиваться в нашу торговую сеть?

Доктор. Тоже нет.

Менеджер. Тогда чего вы от меня хотите?

Доктор. Понимаете, вот этот гаджет (берет книгу) изменит мир. Представьте себе, что читать сможет каждый. Каждый! Представьте себе, что книга станет настолько дешевой, что ее можно будет подарить на день рождения или просто оставить на полке в таверне, взяв взамен другую, и никто не будет против.

Менеджер. И что?

Доктор. Представьте себе пространство, в котором тексты перемещаются без задержек, и ты в любой момент можешь прочитать любой из них. Мудрость человечества станет приумножаться, а не храниться, как сейчас, в библиотеках, куда доступ имеют единицы!

Менеджер (устало). И что?

Доктор. Вот это (доктор поднимает книгу) – будущее.

Менеджер. Дорогой мой, шесть минут назад у меня оставалось шесть минут до обеда!

Доктор. Будущее, в котором люди начнут не только переписывать, но и придумывать тексты! И не такие, которые распространяет любимый нами Desiderius Erasmus, не воспитательные кодексы и не комментарии к Святому Писанию, а тексты про нашу жизнь! Как делали

древние греки! Как Гомер! Только про сегодня! Про сегодня на нашем русском языке! Появится новый вид текстов – художественная литератур-истика! (Доктор с трудом произносит это слово).

Менеджер. А от меня-то вы чего хотите? Мечтателям не место в отделе маркетинга корпорации его благородия Якуба Петровича Бабича!

Доктор. Помогите мне.

Менеджер. А, так вы пришли за инвестициями?

Доктор. Да, я пришел за деньгами. Вкладывать в технологии выгоднее, чем в ритейл или девелопинг. В Италии я познакомился с одним юношей, Петром из Ареццо. Он изобрел новый вид исповеди – когда ты рассказываешь не про свои грехи, а про чужие. И рассказываешь про них не святому отцу, а всему свету. Представляете, сколько власть имеющих заплатят Петру за молчание? Представляете, как озолотится Петр, если совместить идею такой исповеди с устройством, которое будет печатать тексты?

Менеджер. Господин Доктор намерен заняться шантажом?

Доктор (с нажимом). Если бы я хотел заняться шантажом, я бы начинал разговор с состоятельными людьми с примеров того, как корпорации кредитуют государство, а взамен получают корчмы, таверны, и доли в налоговых сборах. Но, разумеется, наше отличие от Италии – в том, что тут весь свет и так знает про грехи своих властителей. И потому нет никакой необходимости в таких публичных разоблачениях. У меня другая задача. Мне не деньги нужны. Не богатство. Не дом. Я хочу, чтобы сбылась моя мечта. Чтобы вот это (он указывает на книгу) осуществилось.

Менеджер. И на каких условиях вы предлагаете вход в ваш проект? У вас есть инвестиционный план?

Доктор. Я буду с вами откровенен. И скажу просто. «Инвестиции» – это слишком оптимистичная формулировка в данной ситуации. Потому что скоро вернуть свои деньги вам не удастся. Я бы использовал тут слово «меценатство».

Менеджер. Меце што?

Доктор. Меценатство. Это когда состоятельный человек дает деньги просто так. Не надеясь, что они вернутся.

Менеджер. И в чем тогда смысл?

Доктор (вздыхнув, устало). Понимаете, в этом (кивает на книгу) – будущее. Представьте себе пространство, в котором тексты перемещаются без задержек, и ты в любой момент можешь прочитать любой из них. Мудрость человечества станет приумножаться, а не храниться, как сейчас, в библиотеках, куда доступ имеют единицы...

Менеджер. Так, хватит. Человеческим языком объясни. Зачем нашему хозяину Якубу Петровичу Бабичу давать тебе деньги?

Доктор снова вздыхает, но видно, что он готов к такому повороту. Он подходит к флип-чарту и прикрепляет к нему большую, на весь размер доски, иллюстрацию. Это эскиз гравюры из книг «Исус Сирахов», «Царства», «Бытие», самого известного портрета Франциска Скорины. Пластина, которую держит в руках лев, слева от головы изображенного человека, – чистая. Все остальное в портрете совпадает с оригиналом.

Доктор (таким тоном, будто повторял это уже множество раз). На данный момент уже выкуплен рекламный носитель у правого уха портретируемого (Доктор обводит перечеркнутую накрест трапецию на правой пластине лазерной указкой). Также обозначены места для подписи дизайнера (он указывает на буквы МЗ в нижнем левом угле иллюстрации). Но мы можем вам предложить левый львиный картуш, он пока не занят, но предложения мы уже получили. (Указка останавливается на свободной левой пластине).

Левый львиный картуш – рекламная плоскость категории делюкс. Как вы видите, она размещается на колонне, капитель которой наш художник украсил тремя мраморными шарами. Голова фигуры на портрете повернута к этому картушу, лицо приветливо смотрит в

его сторону, что способствует созданию позитивного перцептивного прочтения размещенного на ней образа потенциальными потребителями.

Доктор подходит к столу, берет листок, пишет на ней цифры и протягивает менеджеру.

Менеджер. Ничего себе. И все, что мы получим – это вот эта жестянка?

Доктор. Жестянка воссияет в вечности

Менеджер. А что если мы вместо нее приобретем центральную позицию, вот тут, где сейчас это волосатое солнце? (он указывает на символ Скорины, выгодно расположенный под книгой).

Доктор. Эта позиция не продается. Это Солнцелуние, эмблема издателя. Венецианец Альд Мануций размещает на своих книгах дельфина, а я – Солнцелуние.

Менеджер. Почему ты ставишь себя выше тех, у кого просишь денег?

Доктор. Как раз таки не выше. Картуши – в головах, а мой символ – в ногах.

Менеджер. Нам нужно все перечитать и обдумать. А сколько показов будет на этой плоскости?

Доктор. В каком смысле «показов»?

Менеджер задумывается. Видно, что он не до конца понимает, как это все будет работать.

Менеджер. Так, нужно это осмыслить. Мы с вами свяжемся. На всякий случай, подготовьте power point-презентацию вашего проекта на восемь с половиной минут.

Скорина, понимая, что встреча закончена, прячет книгу.

Менеджер (доверительным тоном). Слушай. Я вот что хотел уточнить. А чего ты к нам пришел, друг? Мы же не самые заметные игроки на рынке. Ты почему к магнатам не пошел? Почему не у Радивиллов деньги просишь? И не у Гаштольда, виленского воеводы, канцлера все Литвы?

Скорина (печально). Так я у них был. И у Радивиллов, и у Гаштольдов. Но там меня дальше приемной не пустили.

Менеджер (по-прежнему доверительно). Ты бы лучше придумал, как сделать, чтобы вот такие картинки (Менеджер показывает на портрет Скорины) двигались. И говорили. А еще лучше – чтобы ими управлять можно было. Чтобы одна такая картинка с другой дралась. На мечях или дидах. А лучше сканачала на мечях, а потом на дидах. И под музыку. И чтобы как в шахматах, играть двое могли. Вот это культура! А ты говоришь, художественная литератур-исти-ка!

Сцена вторая

На заднике сцены числовое обозначение года: 1515 и очертания венского ландшафта. На первом плане – крытая повозка на деревянных колесах, часть конного поезда, снаряженного для долгой дороги. Конь пока не запряжен. Дипломат Его Величества Сигизмунда Мацей Рэвицкий следит за тем, как другой дипломат Его Величества Ян Лещинский и два солдата грузят в повозку оружие: пулеметы MG42, связки гранат, РПГ, патроны для КПВТ, мины. К тарантасу приближается Дипломат Его Величества Ян Датышек, которые ведет за собой связанного Доктора. У Доктора подбит глаз, из носа показалась струйка крови.

Датышек. Товарищ полковник, разрешите обратиться!

Рэвицкий. Тихо, не ори! Вольно! Обращайся по-граждански!

Датышек. Товарищ полковник... В смысле, пан Временный Посол Его Величества Сигизмунда по делам сношений с Турцией Мацей Рэвицкий, эсквайр! Мы турецкого шпиона изловили!

Доктор. Я не шпион!

Рэвицкий. Вольно, майор! Тьфу, сам никак не привыкну! Вольно, Датышек. Янка, бери своих бойцов и проваливай отсюда!

Ян Лещинский его помощники солдаты уходят.

Рэвицкий (обращаясь к Доктору). Досточтимый господин турецкий шпион! Позвольте вас уверить, что у нас тут исключительно мирная миссия. Мы – добронамеренные дипломаты, направляющиеся ко двору султана Селим-Хана Хазретлери, великого Халифа, с целью упрочения дружественных отношений между нашими братскими народами.

Доктор. Я не шпион, полковник Датышек! У меня для вас письмо от Сигизмунда.

Рэвицкий. Датышек, он говорит, что у него письмо от Сигизмунда.

Датышек. Брешет, товарищ полковник! Как у турецкого шпиона может быть письмо от короля Польского и Великого князя Литовского?

Доктор. Я с Сигизмундом прибыл в Вену!

Рэвицкий. Он говорит, что прибыл вместе с Его Величеством в Вены!

Датышек. Врет, и глазом не моргнет, свинья турецкая. Его Величество в Вену прибыли для участия в Конгрессе. Видели мы его на Конгрессе? Нет, не видели! А значит – врет! Он вокруг нашего поезда кружил, пробовал приблизиться и подсмотреть процесс погрузки подарков, которые мы подготовили для султана Селима.

Доктор. Я только подошел и спросил, кто тут главный!

Датышек. Видите, еще и оперативной разведкой занимался!

Доктор. Чтобы показать вашему главному командировочную грамоту от короля Сигизмунда.

Рэвицкий. Хорошо, показывай свою грамоту.

Доктор разворачивает лист бумаги и протягивает ее Рэвицкому. Рэвицкий всматривается в него.

Доктор. Переверните!

Рэвицкий. Что перевернуть?

Доктор. Вы держите документ вверх ногами.

Рэвицкий краснеет и протягивает грамоту Датышку.

Рэвицкий. Датышек, что тут написано?

Датышек берет грамоту, но он, похоже, тоже неграмотный.

Датышек. Я, знаете ли, не очень люблю читать во второй половине дня. Особенно перед такой ответственной мирной и гуманитарной миссией. Потом сложно прицеливаться. В глазах будто туман.

Рэвицкий. И я говорю! Как будто туман! (Доктору). Что тут написано?

Доктор (цитирует по памяти). «Франциск, сын Луки, из Полоцка, для достижения города Венеции по издательским делам, прикрепляется к послам Его Величества Максимилиана и его Величества Сигизмунда Казимировича, которые направляются к турецкому двору с целью установления мира с султаном Селимом на долгие годы», - а это между прочим, вы и есть, послы Его Величества Сигизмунда Казимировича! Далее значит: «Обозные люди из делегации предъявителю данной грамоту должны оказывать содействие и обеспечивать всякого рода едой, фруктами, по возможности кефиром, зеленью, вяленым зайцем, а также и питьем, теплой постелью и крытым местом в тарантасе, приравненным по статусу к статусу членом мирной делегации в ранге лейтенанта кавалерии вплоть до момента достижения вышеозначенной делегации границы города Венеция».

Рэвицкий (всматривается в печать). Смотри, Датышек, печать серьезная. Витиеватая такая.

Датышек. Вам такую печать специалисты у Святого Штефана за час нарисуют.

Рэвицкий. И подпись с вензелями.

Датышек. Да видно же, что он шпион. На усы посмотрите!

Рэвицкий (Доктору). А что значит «по издательским делам»? Кого и кому будете сдавать? С вами же пленных нет, чтобы вы их сдавали?

Доктор. Не сдавать, а издавать! Мне нужно в Венецию, потому что там есть специалисты, которые могут изготовить матрицы для шрифтов.

Датышек. Я же говорю, шпион! Уже на турецкий язык перешел! «Матрицы для шрифтов»! У нас разве так говорят?

Рэвицкий. «Матрицы для шрифтов» - это какое-то арабское проклятие?

Доктор. Смотрите, все просто! Сначала из твердого металла, желателно, из стали, изговаривляется шрифтовой пуансон. На нем рельефно гравировается знак в зеркальном отражении. Затем пуансон вжимают в мягкую пластины – Мануций, например, пользуется для этого медью. Так получается вогнутое изображение знака. Она и называется «матрицей». Затем матрица заливается металлом, из нее выходит так называемая «литера» с глазком, используемая для того, чтобы наносить оттиски на бумагу. Для «литер» берется сплав из 70 мер плюмбама, 25 мер олова, 5 мер сурьмы...

Датышек. Шпион-алхимик! Сейчас накличет крылатую схизму, и она нас затопчет своими когтистыми ногами!

Рэвицкий. погоди, Датышек! Господин шпион по-ученому говорит. Я даже почти понимаю, потому что однажды видел, как отливали пушку. Пушка, правда, взорвалась при первом выстреле, но принцип я понял. Но зачем эти «литеры»? Зачем оттиски на бумаге?

Доктор. Я буду складывать из литер слова. Слова нашего языка. Потом наносить на литеры чернила из масла и сажи, и прижимать целые... (Доктор подбирает слово, а потом, взглянув на товарища полковника, находит подходящее сравнение)... целые отряды слов к страницам. И металл заговорит. И будет говорить голосом Бога. А бумага станет живой.

Рэвицкий. И почему этими своими премудростями ты на родине не занялся? А раз ты уже тут, в Вене, так может договориться с дельцами в Святого Штефана?

Доктор. Мне нужны не граверы, не те, кто подделывают печати, не торговцы артефактами, не отравители, не мошенники, которые торгуют святыми мощами по сто грошей за дюжину пальцев святого Петра. Мне нужны мастера, которые одновременно будут и художниками, и писателями, которые знают свойства металла и бумаги, и при этом понимают, что такое красота. Я видел «Актоих», изданный монахом Макаром в Центинье в год Божий тысяча четыреста девяносто четвертом. Этот «Актоих» - совершенство. А матрицы для него сделаны были в Венеции.

Датышек. Арестовать его, товарищ полковник! Контрразведка разберется, что там у него за актоих пуансона шрифтовой матрицы!

Рэвицкий. Подожди, Датышек! Скажи, господин шпион, а какой смысл тебе прилагать столько усилий, чтобы отливать слова будто пушки? Почему не взять перо, не обмакнуть его в чернила, и не написать все, что нужно по-человечески?

Доктор. Потому что так можно будет изготовить множество слов одновременно. И наполнить ими всю земельку.

Рэвицкий некоторое время рассуждает.

Рэвицкий. Дела твои, господин шпион, темные. Наука твоя непонятна будто язык еврейский. Цели твои неубедительны. Писанных слов должно быть ровно столько, скоро может произвести человеческая рука. Если бы Господь Бог хотел, чтобы слов было больше, он бы приделал к нашим рукам по... как ты там говорил... по шрифтовой матрице вместо пальцев. А у нас – ладони, пальцы, а на них, иногда, мозоли. Пользы в деле твоём не вижу. И брать тебя с собой не буду.

Датышек. Под арест басмача!

Рэвицкий. Но и контрразведке тебя не выдам, потому что там, для начала разговора, тебе

нальют олова в рот, а это вещь неприятная. Людей ученых нужно беречь, они нам нужны, чтобы пушки лить. Да и печать на королевской грамоте твоей выглядит вполне основательно. Из уважения к твоей учености и королевской печати, отпускаю тебя на все четыре стороны. Развяжи его, Датышек!

Датышек снимает путы с запястий доктора. Доктор разминает руки. На сцену возвращается Ян Лещинский и два его помощника-солдата.

Лещинский. Товарищ полковник, от конюхов поступил вопрос: в какую сторону нам ехать?

Рэвицкий. Ехать нам прямо!

Лещинский. Да, прямо! Но в какую сторону?

Рэвицкий. Куда возы повернуты, туда и ехать.

Лещинский. Они туда повернуты, потому что так проще было из засады вытягивать. А у дороги направления два – направо или налево. Нужно выбирать!

Рэвицкий. Датышек, в какой стороне Константинополь?

Датышек пожимает плечами.

Рэвицкий. А кто будет знать?

Датышек. В контрразведке, наверное, знают. Заодно можно им этого шпиона доставить.

Лещинский. В контрразведке не знают, я уже спрашивал. Там сказали, одно из двух, либо направо, либо налево. А когда я уточнить пытался, они нахмурились и сказали, что я похож на турецкого шпиона. Поэтому к ним я возвращаться не буду. Так куда ехать, товарищ полковник?

Рэвицкий растерянно чешет ухо.

Доктор достает из кармана большой лист бумаги, расправляет и всматривается в него.

Доктор. На Рим, вы сказали?

Рэвицкий оживляется. Он подходит к Доктору и заглядывает ему через плечо на бумагу.

Рэвицкий. Да, на Рим.

Доктор. Солнце у нас там, значит юг – в той стороне, направления у нас два, значит...

Рэвицкий. Что это за каракули?

Доктр. Это не каракули. Это каталонский портулан.

Датышек. И снова он по-турецки шпарит! Вот шпион, не может по-человечески разговаривать!

Рэвицкий. Подожди, Датышек! А что это такое «каталонский портулан»?

Доктор. Это когда все, что вокруг нас – реки, моря и земли, уменьшены в размерах изображены в виде схемы, в которой учтены стороны света и пропорции.

Рэвицкий. И что, видишь ты нас на нем?

Доктор. Схематично – вижу. Вот флажок с надписью «Виндабона», мы тут!

Рэвицкий. А я вот нас не вижу. Глаза совсем плохие стали.

Доктор. А вот тут – Рим. Условный юг на карте обозначен этим красным язычком. Видите, направление совпадает, на нам юг, это, с учетом солнца, направо!

Датышек. Товарищ полковник, направление он нам указал, и больше нужды в нем нет!

Позвольте я его все-таки в контрразведку спроважу!

Рэвицкий (передразнивает). В контрразведку? А что ты на следующем перекрестке делать будешь?

Датышек. Давайте я у него этот панталонский растаман заберу, и мы по нему сами

сориентируемся!

Рэвицкий. Ты что, не понимаешь, что он может прямо на бумаге рассмотреть? Ты нас видишь? Нет? Я тоже! А он даже такую мелочь увидел! Он нам нужен, Датышек! В отличие от тебя. (Доктору). Собирайся в дорогу, господин портулан! (Датышку). Возьмешь его к себе в повозку. Может хоть чему научишься.

Датышек с Доктором уходят. Датышек бормочет: «Актоих паунсона шрифтовой матрицы».

Сцена третья

Интерьер типографии. На стене – число 1517. Рядом с печатным станком, который напоминает деревянную кровать с торчащей из него кукой. На столе лежит небольшая наборная касса – плоский ящик с ячейками, в которых мелкие буквы. Над станком на льняном шнуре подвешены отдельные страницы. Это отпечатанные с одной стороны пробники, которые сушатся перед печатью на второй стороне листа. У кассы – пустой набор, который напоминает стиральную доску, только меньшую по размеру, а строки под буквы не металлические, а деревянные. За столом сидит Доктор, напротив него – Скриптор. Рядом со Скриптором – несколько больших свертков, в них – образцы рукописных шрифтов. Доктор ведет рекрутинговое интервью со Скриптором.

Доктор. Так вы сами местный, из Праги?

Скриптор. Родился тут, стажировался в Манасии у братьев-бенедиктинцев в аббатстве Сито, потом вернулся в Прагу и окончательно обустроился в Брженове.

Менеджер. Опыт в книжной индустрии большой?

Скриптор. Занимаюсь переписыванием текстов всю свою жизнь, как себя помню.

Доктор. Что умеете?

Скриптор. Могу рустуку, могу квадратуру, могу унциал.

Скриптор разворачивает сверток и демонстрирует свое портфолио.

Скриптор. В Сито очень хвалили мой минускул, посмотрите, какая работа! А вот курсива, видите, будто чернильный дождь на бумагу пролился. А что мы будем переписывать?

Доктор. Книги.

Скриптор кивает на страницы, которые сушатся над станком.

Скриптор снова разворачивает большой, формата А2, сверток со своим портфолио и говорит: «Вот это – книга!»

Доктор. Нет, не такого типа.

Доктор достает самодельный экземпляр, который когда-то демонстрировал в отделе маркетинга корпорации Якуба Бабича.

Скриптор. Ага! Значит не книги, а кодексы!

Доктор. Кодексы, да. Никак не запомню разницу. И почему у меня такое ощущение, что это я не я вас трудоутраиваю, а вы меня?

Скриптор. Книга – это когда один лист. А когда несколько сшито – это кодекс! И что вы хотите, чтобы я вам написал на пробу?

Доктор. Напишите, пожалуйста, слово «катехизис».

Скриптор достает походную чернильницу, перо, и готовится писать.

Доктор. Только напишите, пожалуйста, его из этих литер (он протягивает Скриптору наборную кассу) и вот тут (он подает собеседнику пустой набор). Сделайте это так, будто этот ящик (трясет пустым набором) – лист бумаги.

Скриптор недоверчиво берет в руки наборную кассу, всматривается в нее, достает оттуда один из значков, держит в руке несколько секунд, и внезапно бросает кассу на стол, а сам резко вскакивает, с грохотом роняя кресло, на котором сидел. Все это время Доктор монотонно повторяет: «Спокойно! Будьте добры, спокойно!»

Скриптор. Что это?

Доктор. Где?

Скриптор. Вон там, в ящике, маленькое? Металлическое?

Доктор. Это буквы.

Скриптор. Буквы – это то, что пишут.

Доктор. Буквы – это то, что передает звуки.

Скриптор неуверенно подходит к столу, прикасается пальцем к брошенной на его поверхность литере. Потом опускает кисть в наборную кассу и трогает сложенную в нее металлические значки.

Скриптор (зачарованно). Первый раз прикасаюсь к языку. Кто это сделал? Я уверен, что человек не может разложить слова на части и бросить их в обычный ящик. Это не в человеческих силах. Это не человеческое. Это...

Доктор. Может. Если человек может перенести изображение дерева на бумагу, почему другой человек не может перенести на бумагу язык и положить его в коробку?

Скриптор. Наваждение какое-то!

Доктор. Успокойтесь. Я сейчас объясню вам, как это работает. Эти буквы по моему заказу и с Божьего благословения изготовили мастера в Венеции. Мы берем их и складываем в строки, видите? (Доктор помещает несколько букв в пазухи наборной рамы). Потом перевязываем шнуром, чтобы не рассыпались, вот так (делает несколько мотков шпагатом вокруг набора), несем сюда (делает несколько шагов к станку), отжимаем куку, снимаем тигель, кладем бумагу на тимпан, накрываем ее фрашкетом, чтобы потом добавить цветную буквицу, закрепляем иголочками вот тут и тут, накрываем сверху набором, покрытым краской. Потом выжимаем куку – и имеем отпечатанную страницу с необходимым нам текстом!

Скриптор смотрит на все это с недоверием.

Скриптор. И что, слово «Ангел» и «Лен» складываются у вас из одних и тех же знаков?

Доктор. Именно так, дорогой мой!

Скриптор. И эти литеры абсолютно одинаковые?

Доктор. А я про что говорю!

Скриптор. Так это ж страшное кощунство! Как вы можете! Это же разные слова! Лен и Ангел! Гореть вашему бесславному скрипторию в адском огне!

Доктор. Спокойно! Спокойно! Таким, возможно, не обычным способом мы делаем христианское дело! Вот, посмотрите!

Доктор снимает одну из страниц, которые сушатся над станком, и протягивает ее Скриптору.

Доктор. Это пока пробник, просто чтобы вы представляли...

Скриптор (читает). Библия – дивная река! Она бывает мелкой, и даже овечка может перейти! Но одновременно и глубокой, когда и слон вынужден плыть через нее! В этой книге – начало и конец всей существующей мудрости, потому что только через нее можно постичь Господа-

вседержителя! В этой книге – все законы и права, которыми пользуются люди в земной жизни! В этой книге – все лекарства душевные и телесные вместе найдете! Тут – наставление философии добронравное: как Бога любить для себя самого и для ближнего своего! Тут – дело всякого собрания людского и города, который через веру, милость и согласие добро приумножают. Тут – полное научение семи вольным наукам!»

Доктор. Вот видите, как хорошо! Это я сам написал! До конца года мы издадим четыре книги «Старого Завета»: «Псалтырь», «Иов», «Соломоновы притчи» и «Иисус Сирахов».

Скриптор задумывается. Он сомневается, не может решить, стоит ли ввязываться в это сомнительное занятие.

Скриптор. Читается как-то слишком просто.

Доктор. А я о чем! Из-за того, что все буквы одинаковые, отлитые с матриц, глаз быстрее распознает написанное.

Скриптор. Читается хорошо, и это, конечно, плохо.

Доктор. Почему же плохо?

Скриптор. Чтение должно быть медленным, неторопливым, чтобы слушающие успевали понять, что произносит чтец. Таким письмо было издревле, с момента изобретения грамоты. А у вас глазу не обо что споткнуться, все мягко, как салом смазано. Глаза можно вывихнуть, так и они скользят по предложениям. И эта скорость! Того и гляди, люди вообще языком за глазами успевать не будут. И начнут читать молча! Молча! Читать!

И к тому же: что это за мир, в котором «Ангел» и «Лен» написаны одинаковым шрифтом? Где все букочки одна от другой не отличается. Это же не Божий мир! Это какая-то (задумывается, округляет глаза) тоталитарная унификация!

Доктор. Послушайте, попробуйте посмотреть на это шире. Мы живем в новую эпоху, скоро даже одежду будут ткать на станках, а не руками. Никакого подвоха тут нет!

Видно, что скриптор продолжает колебаться. Он снова берет в руки одну из букв со стола и подносит к глазам.

Скриптор. Получается, чтобы эта «буки» оставила на бумаге отпечаток «б», нужно, чтобы в этой рамочке – он кивает на пустой набор, - она бы перевернута слева направо.

Доктор. Именно так! Чтобы отпечаток получился правильный, он должен быть зеркальным отражением оригинального текста.

Скриптор снова отскакивает от стола и начинает быстро-быстро креститься.

Скриптор. Вы переписываете святую Библию задом наперед!

Доктор. Спокойно! Не дрожите так! Это просто технологический процесс!

Скриптор. Говорили нам в костеле про язычников, которые увечат слово Божье под диктовку Вельзевула, переворачивая его шиворот-навыворот! Но не ожидал я, что опорочу свою душу визитом в их проклятый склеп. Изверги! Божья кара настигнет вас!

Скриптор выбегает из типографии.

Доктор. В следующий раз надо попробовать рекрутировать кого-то без опыта работы в издательской индустрии.

Сцена 4

Кабинет проректора по воспитательной работе Краковского Университета. Кабинет обставлен почти так же, как помещение в офисе Якуба Бабича. За офисным столом сидит Проректор. Перед ним, в нервной позе посетителя, Доктор. У ног Доктора – огромная

клетчатая сумка типа тех, что используются мелкими предпринимателями-«челноками». На столе Проректора – стопка бумаги. За спиной у Доктора – флип-чарт. На заднике сцены – дата 1520. Проректор что-то пишет карандашом, потом откладывает записи и устало поднимает голову на Доктора.

Проректор. Так. Идем дальше. Следующий. Кто у нас следующий? (Проректор говорит с ощутимым польским акцентом).

Доктор. Франц

Проректор. Фамилия.

Доктор. Скорина.

Проректор. Научная степень – высшая?

Доктор. Я доктор медицины. Получил степень в Падуе.

Проректор. На какую позицию в Краковском университете претендуете?

Доктор. Я не претендую ни на какую позицию в Краковском университете.

Проректор. В таком случае, чего вы хотите?

Доктор. Пан проректор по воспитательной работе, я пришел к вам с предложением по оптимизации учебно-методического процесса.

Проректор. Так, это интересно!

Доктор. Я закончил Краковский университет в году от рождения Христовы 1504-м...

Проректор. Пан – поляк?

Доктор (на секунду задумывается). Да, вроде того. Поляк так поляк. Так вот, я закончил Краковский Униве....

Проректор. А если пан – поляк, то почему говорит на латыни?

Доктор. Латынь – язык науки...

Проректор. А откуда вы приходите?

Доктор. Я вообще родился в Полацке, жил в Вильне.

Проректор. Но тогда пан не поляк, пан – русский!

Доктор. Ну, русский так русский! (Доктор машет рукой, ему это кажется не существенным).

Так вот, преподавание во время моего студенчества происходило по методике, которая сохранилась в Европе до сих пор...

Проректор. А что мальчишка из глухой русской провинции делал в Краковском университете?

Доктор (Неохотно). Поступил на особых условиях для жителей непольских территорий Польского королевства.

Проректор (с сочувствием). Так пан стал студентом по крестьянской квоте...

Доктор. Но, я бы это не назвал «крестьянской квотой». Полоцк и Вильня – большие города, культурные центры.

Проректор. И, отучившись по крестьянской квоте, пан пришел к проректору по воспитательной работе оптимизировать процесс обучения? Ну-ну, интересно!

Доктор (не понимая иронии). Нам преподавали *modus pronuntiantium* – профессор очень медленно диктовал, а мы записывали. Благодаря этому за время обучения у каждого из нас появлялась собственная рукописная книга, состоящая из записей по разным дисциплинам. Но поскольку студенты – не профессиональные скрипторы, записать нам за все обучение удавалось только по дюжине страниц по каждому предмету. С другой стороны, ничего кроме этих диктантов в аудиториях не происходило. Опыт и знания важных профессоров сводился к воспроизведению одних и тех же записей. Правильно?

Проректор. Ну-ну. И что?

Доктор. Так вот! Есть способ улучшить процесс обучения!

Доктор достает из клетчатой сумки большой лист бумаги и несколько напечатанных книг. Он закрепляет лист бумаги на флип-чате. Мы видим сильно увеличенный титульный лист Библии Скорины с надписью: «Бивлия Руска. Выложена Доктором Франциском Скориною из славнаго града Полоцка Богу ко чти и людем посполитым к доброму научению». Прикрепив лист, Доктор кладет книги перед Проректором. Тот даже не смотрит на них.

Доктор. Вот, посмотрите! Что если вместо того, чтобы писать и переписывать снова и снова одно и то же, студенты с самого начала обучения получают уже напечатанные тексты? Те, что раньше записывали под диктовку? А преподаватели в классах вместо диктовок будут разбирать и объяснять непонятное?

Проректор поднимется, подходит к флип-чарту, достает большую лупу и начинает рассматривать слово «Русская». Это слово интересует его больше всего, остальное не привлекает его внимания.

Проректор. И много такого вы напечатали?

Доктор. Ну, довольно много.

Проректор (бросив взгляд на клетчатую сумку). Все тут?

Доктор. Нет, что вы! Все бы сюда не вместились! Но эти книги – только пример того, что можно сделать! Я взял свои пражские издания, чтобы вы посмотрели, как они привлекательно и ярко выглядят! (Доктор указывает на флип-чарт). Не чудо ли? Я способен напечатать вот такой кодекс по любой из семи свободных наук. Так, чтобы у каждого студента мог иметь свою книгу! Представьте себе! Специальный кодекс по риторике! Антология для тривиума! Упражнения по квадримуму! С гравюрами по геометрии и астрономии! Кодекс по философии! И много страниц, а не десять, как было в наших конспектах. И каждому из учащихся – по экземпляру! Это изменит обучение! Знаний у того же бакалавра будет больше.

Проректор. А на чьи деньги вы печатали это... (Проректор подбирает слово). Это русское... добро.

Доктор. На деньги литовских бизнесменов.

Проректор. Ага, конечно! И Василий Иванович, князь Московский, к финансированию этой провокации не имеет никакого отношения!

Доктор. Я только не понимаю, почему в это называете провокацией.

Проректор. И распространение вот этого русского... Православного писания среди студентов-католиков вы осуществляете по собственной инициативе!

Доктор. Я, по правде, в этом проблемы не вижу! Понимаете, это же не важно: русское или польское, итальянское или чешское, православное или католическое. Для знаний нет границ и конфессий! Можем и на католическом языке их печатать. Просто набор и шрифты у меня отлиты в Венеции с кириллических матриц...

Проректор. Вот они чем теперь занимаются! Берут бедных полоцких крестьян и засылают нам в самое сердце, в Краковский Университет!

Доктор. Никто меня не засылал. Книги я издал на том языке, на каком говорят у меня на родине. Я думал, людям это во благо будет.

Проректор (все более зло). И эти простофили тут ведут православную пропаганду!

Доктор удивленно смотрит на Проректора. Тут сверлит его презрительным взглядом. Доктор со вздохом снимает лист с титульным листом «Библии Русской» с флип-чарта и обреченно собирает свои вещи.

Проректор. Дурак, ты хоть понял, что тебя используют?

Доктор сгребает книги со стола в сумку.

Проректор. Ты слышал про твоего предшественника? Зовут Швайпольт Фиоль, немец, а стукнуло в голову издавать книги по-русски! Хотя сам был благочестивым католиком! За это отсидел Фиоль в тюрьме, и получил убедительную просьбу гнезинского архиепископата не печатать и не распространять православную дурь. А потом и окончательно упокоился тут, в Кракове. Так вот. Кинь дурное дело! А то, понимаешь ли, учебно-методический процесс он

прибыл оптимизировать! На русском языке!

Доктор (держа в руках сумку с книгами). Извините, мне пора бежать! Очень спешу!

Проректор. И куда же ты спешишь?

Доктор. С учетом гостеприимства города Кракова, поворачиваю обратно в Вильню.

Попробую продолжить начатое в Праге там.

Проректор. И каким маршрутом туда отправишься?

Доктор роется в сумке, достает оттуда карту, всматривается в нее и доверчиво отвечает.

Доктор. Через Вроцлав.

Проректор. Через Вроцлав? (Отмечает что-то на бумаге). Через Вроцлав, значит! Тогда обязательно остановись у пани Марыси. Лучшие фляки в городе. Пани Марыся, запомнил

Доктор. Да! Позвольте откланяться!

Проректор. Доброй дороги до Вроцлава, товарищ русский!

Акт второй.

Сцена 1.

Приемный покой епископа. Интерьер почти такой же, как в предыдущей сцене. Только нет флип-чарта, а на столе стоит хрустальная ваза с конфетами и яблоками для посетителей. За столом – Секретарь Епископа и Доктор. Перед Секретарем стопка бумаг, он пишет что-то карандашом. Во главе стола – пустое кресло с высокой готической спинкой. На заднике сцены цифры 1520. На стене портрет Папы Римского Льва X.

В покой входит Епископ. Это молодой худощавый человек.

Секретарь (вскакивает со стула). Его Преподобие Епископ Виленский Януш!

Доктор поворачивает голову к Епископу и приветливо кивает.

Секретарь (злым шепотом). Вам необходимо встать и получить благословение!

Епископ. Нет, нет! Давайте без этих церемоний! Я, как все люди, всего лишь создание Божье!

Епископ энергичной походкой подходит к столу и садится в кресло. Он панибратски протягивает руку Доктору.

Епископ. Ян.

Доктор. (Пожимая руку). Меня зовут...

Секретарь (хватаясь за голову, шепотом). Руку нужно было поцеловать!

Епископ (секретарю). Уймись, Юрка! (Доктору). Франциск, я, конечно, знаю, как вас зовут.

Из Кракова пришло поручение опросить вас по поводу происшествия во Вроцлаве.

Доктор. У меня забрали книги.

Епископ. Все книги?

Доктор. Почти все. Остались только те, которые были у меня в суме.

Епископ. А почему забрали, как думаете?

Доктор. Там много чего кричали со всех сторон, и фляки на меня разлили. Посоветовали мне никогда больше не появляться в Польше. Никогда. А еще кричали, что проблема в языке, в шрифте. Я не могу понять, как может быть проблема в языке или в том, что напечатано не латинскими литерами. Разве Евангелие на арамейском хуже Евангелия на латыни? А я издал книгу на том языке, на котором сам говорю. На котором мы с вами сейчас разговариваем.

Почему это может стать проблемой?

Епископ. Проблема не в языке, а в конфессии.

Доктор. Но я не понимаю. Я христианин. Мы все христиане. Что в Смоленске, что в Полоцке, что во Вроцлаве, что в Праге.

Епископ. О, если бы все было так просто...

Доктор. Бог един.

Епископ. Бог един, государства разные.

Доктор. Но Бог-то един!

Епископ (Секретарю). Юрка, сходи на двор погуляй.

Секретарь. Но, Ваше Преподобие, мне нужно будет подготовить отчет для Кракова.

Епископ. Юрка, я сам отчет подготовлю, беги.

Секретарь. Но...

Епископ. Гуляй, я сказал!

Секретарь Епископа выходит.

Доктор. Бог един и Писание его неприкосновенно. На любом языке. И вот я думаю, что они могут сделать с тем, что у меня отняли? Они же не могут Библию уничтожить? Не могут же, правда?

Епископ молчит.

Доктор (сам себе). Они, наверное, поместят мои кодексы в районную библиотеку, а возможно и направят их в Краковский Университет, а там какая чудесная библиотека! Много древних текстов! И мои книги будут бережно храниться до тех самых пор, когда всем, наконец, станет понятно, что писание – неприкосновенно. На любом языке! Что каждый созданный на доброе дело текст – неприкосновенен. На любом языке!

Епископ (сочувственно). Наверное, вероятность, что случится именно так, есть. Кстати, а кто финансировал издание ваших книг? Краков направил запрос виленским магнатам, потому что вы где-то там сказали, что вас финансировали литовские бизнесмены. И вы знаете, все отрицают причастность к этому проекту.

Доктор. Правильно, что отрицают. Магнаты не дали ни гроша! Книга была напечатана при помощи корпорации Якуба Бабича и Богдана Онкова. До Радзивилов я не достучался.

Епископ. А что ж так?

Доктор. Наверное, не нужны им книги, которые читали бы обычные люди. Олигархи всегда там, где слава. А тут, как видите, проблем больше, чем славы.

Епископ. В каком вы сане, доктор?

Доктор. Я бакалавр свободных наук и доктор медицины.

Епископ. Я говорю про религиозный сан. Вы учились теологии? Вы были рукоположены?

Кто посвятил вас в священники?

Доктор. Я не священник, хотя занимаюсь тем же, чем занимаются священники. Я несу слово Божие.

Епископ. Вы искреннее не видите тут никакой проблемы? В том, что человек без сана сам по себе распространяет Ветхий Завет? Свой собственный Ветхий Завет?

Доктор. Вы, наверное, не поняли. Я эту книгу не писал. Я ее только опубликовал. А написал ее Господь Бог. Моя же роль была в том, чтобы как можно больше людей могли прикоснуться к тому, что создано Небесами. Как сказано в моем предисловии «Богу ко чти и людям посполитым к доброму научению».

Епископ. Вы человек ученый, Франциск, но не учитываете очевидного. Сто лет тому назад знания принадлежали всем людям. Помните, из ваших краковских штудий? «Scientia de omni scibili» - знания принадлежат всем, кто знает. Нет того, кто их создал. Есть анонимы, которые передают их от человека к человеку. Фрески не имеют подписи художника. Лучшие миниатюры в кодексах – также. Художника не было. Не было писателя, скриптора. На ваших же книгах, кроме гравюр с вашими портретами, еще множество обозначений вашего авторства. Тут и Солнцелуние, и фамилия зашифрованная... В Кракове это называют кощунством – помещать собственный портрет под Писанием. Я с ними не соглашусь – просто время теперь другое. Пришел век индивидуализма. Никакого больше «Scientia de omni scibili». У знаний есть автор. И вы не изложили Ветхий Завет в том виде, в котором, как вы говорите «Завет был создан Небесами». Вы его проинтерпретировали. Начнем с того, что вы его перевели.

Доктор. Да, перевел.

Епископ. Вы взяли за основу чешскую версию Писания. И напечатали в своем любительском переводе. На том языке, на котором разговариваете.

Доктор. Я сверял чешский перевод с древнееврейской, латинской и церковно-славянской версиями.

Епископ. Тут разговор не про толмаческую точность, хотя и про нее тоже. Вы же сами говорили, что Библия – не обычная книга. Не древние ребусы про риторике. Не шуточки Эразма. Это благословенная книга.

Доктор. Да неужели в том ее благословенность, что ее нельзя печатать?

Епископ. Ее нельзя издавать лишь бы кому.

Доктор. Счастье книги в том, что ее читают.

Епископ. Счастье книги в том, что ее не искажают.

Доктор. Это пустой спор.

Епископ. Это спор благословен. Потому что у вас очень доброжелательный собеседник, Франциск. Ваши возможные собеседники в Кракове были бы куда менее склонны философствовать. Они считают вас кощунником и русским шпионом. Пропагандистом православия. И что вас лучше арестовать и держать в остроге. Они мыслят в логике столетней давности. Но я перед собой богохульника. Я вижу добронамеренного ученого, который родился раньше своего срока, лет этак на двести раньше. Тогда бы вам не пришлось страдать, разъясняя людям очевидное. Более того, мне ваше дело кажется добрым, только в будущем нужно повнимательней быть с переводами, а в этом я могу вам помочь.

Доктор ошарашено кивает.

Епископ. Более того, я подготовлю для Кракова отчет, в котором изложу нашу беседу. В своей трактовке. (Епископ усмехается). Да, изложу все так, что и им станет ясно ваше действительное намерение – донести слово Божие как можно большему числу людей. И именно поэтому вы использовали нашим языком, а не латынью. За это судить вас не будут, поверье!

Доктор, расчувствовавшись, прикасается к глазам.

Епископ (весело). И, между нами, мне тоже не нравятся Радивиллы. Или, скорее, я не нравлюсь им.

Доктор. Отчего же?

Епископ. Им не нравится мое происхождение. Все у них на крови завязано. Даже этика. А мне с кровью не повезло. (Весело смеется).

Доктор. Почему не повезло? И как может не повезти с кровью?

Епископ. Вы, Доктор, очевидно, не пьете пиво в виленских тавернах, где собираются сплетники. Я – сын Его Величества Сигизмунда.

Доктор. Так вы – королевич?

Епископ (бодро, с улыбкой). В том и дело, что не королевич я. Сигизмунд очень любил мою мать, Катерину из Тельниц! Но женился сами знаете на ком. Но хватит обо мне! Вы – мечтатель, Франциск! И именно руками мечтателей всегда делалось дело Божье! Всегда и везде! И, между нами, доктор. Есть у меня одна мечта.

Доктор. Какая же?

Епископ. Хочу собрать все наши нормы в один свод, статут Великого Княжества Литовского. Чтобы судили не произвольно, не из личной приязни или неприязни. А как когда-то в Риме было. Украд – одна кара. Ограбил – другая. Каждому проступку своя кара. И ни больше, ни меньше.

Доктор. Вы думаете ввести на наших землях закон? А меня мечтателем называете?

Епископ. А чем вы, Франциск, тут, Вильне собираетесь заниматься?

Доктор. Я хочу как Альд Мануций, свести четвертинный формат кодектов в восьмицу. И напечатать вместо кватры – октаву.

Епископ. Для чего все это?

Доктор. Я издам «Малую подорожную книжку», включу в нее Псалтырь, акафисты, каноны – все, что нужно человеку, чтобы он не оставался один. Для того чтобы и в дороге, и на войне, что бы ни приключилось, рядом с ним был Бог. Перевод свой, конечно, покажу вам.

Епископ. Знаете, Франциск, я еще когда ваше предисловие к «Юдифи» читал, понял, что вы очень одинокий человек.

Доктор. С чего бы взяли? Я не одинок. У меня есть книги.

Епископ. Оттуда взял, что только очень одинокий человек может придумать такого Бога, который смотрит со страниц ваших книг, Франциск.

Доктор. Разве мой Бог – не такой, как в других, рукописных, кодексах?

Епископ. Те тексты предназначены для совместного чтения вслух монахами в библиотеке. Один брат читает, другие слушают. Тот Бог – для произнесения Его слова в костеле во время службы. Вы мечтаете вместить Бога в суму путника. Я понимаю, почему – вам самому постранствовать много пришлось. Любой мечтатель вынужден всегда быть в дороге.

Доктор. Бог в сердце. Ему и там места хватит.

Епископ. Матфей, глава восемнадцатая, стих двадцатый, «где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них».

Доктор. Мой Бог в сердце. Мне не нужны двое или трое, чтобы славить Его. Мой Бог в кибитке, что везет меня из Праги. Мой Бог – в лодке, что возвращает меня из Падуи.

Епископ. Святой Костел...

Доктор. Святого Костела не будет рядом, когда я умру и попаду в чистилище. Ни Костела, ни священника.

Епископ. Вы очень одинокий человек, Франциск. Но одиночество – не грех. По крайней мере – грех того, что одинок.

Доктор. А можно мне яблоко?

Епископ. Берите, конечно!

Доктор хватается со стола яблоко и вгрызается в него.

Доктор (жуя). Сегодня без завтрака, а вчера и поужинать не удалось. А надо еще за постой заплатить.

Епископ. Я слышал, что у вас нет дома. Но не знал, что все настолько сложно. В деньгах нуждаетесь?

Доктор (скромно). Ну, не то чтобы в деньгах. Скорее – в работе. В подработке. Книгоиздание не приносит дохода – ни на хлеб с маслом, ни на хлеб без масла, ни даже на пустую воду.

Епископ встает, подходит к стене.

Епископ (громко). Юрка! Я знаю, что ты там, подслушиваешь! Какие у нас в канцелярии имеются вакансии?

Голос Секретаря (приглушенно). У нас все ставки разобраны.

Епископ (громче). Юрка, а по-моему одна вакантная ставка у нас точно найдется. Позиция секретаря епископа! А то теперешний уж больно неповоротливый. Да и пререкаться любит!

Голос Секретаря (хмуро). Мы можем лекаря взять. На четверть ставки.

Епископ. Вот, Юрка, спасибо! Уже лучше! (Доктору). Ну что, Франциск, пойдете ко мне лекарем? Здоровье мое в порядке, я ведь помоложе вас буду. Да и как может человек исправить Божие творение? Всего работы – раз в месяц приходите в бухгалтерию, получать зарплату. Сможете?

Доктор (сияя). Постараюсь!

Доктор и Епископ выходят.

Голос Секретаря (из-за двери, обиженно). А когда-то и со мной дружбу водил.

Сцена 2

Отдел маркетинга корпорации Якуба Бабица. Все тот же стол, все тот же флип-чарт. Число на заднике сцены – 1520. Перед старшим Менеджером отдела маркетинга – стопка финансовых документов. Он просматривает их с брезгливым выражением на лице. Рядом с ним – Доктор. Видно, что тягостный разбор финансов длится уже долго. Наконец, Менеджер отодвигает документы в сторону и устало и зло произносит:

Менеджер. Итак, я просмотрел все эти счета, чеки, копии билетов и накладные. И могу

сказать, что зреет скандал. Это скандал, господин Франциск Скорина. Готовьтесь к аудиту и суду.

Доктор. Скандал? Почему?

Менеджер. Из финансовых документов следует, что вы шикарно покатались по Европе на деньги Якуба Бабича! Счета из отеля в Венеции! Жизнь в Праге! Хорошо отдохнули?

Доктор. Я не отдыхал. Вы не поверите, но все это время я напряженно, почти без сна, работал.

Менеджер. В Венеции?

Доктор. Да, в Венеции я заказывал пуансоны, следил за точностью их гравировки, при мне изготавливали матрицы. Никто другой не сделал бы это с таким совершенством, как венецианские мастера.

Доктор. А в Праге?

Доктор. В Праге я был, потому что специалистов, способных собрать типографский станок в Вильне на тот момент не было. Это теперь я знаю, что для этого необходимо. А тогда – не знал.

Менеджер. На что вы просили у нас деньги?

Доктор. На подготовку и издание книг.

Менеджер. Какое отношение то, что вы шлялись по недешевым странам Европы, имеет к книгоизданию?

Доктор. Я же говорил, в Венеции я делал шрифты, а в Праге – печатал с них.

Менеджер. Хорошо, целесообразность ваших путешествий, так же как и допустимость несанкционированного аутсорса рассмотрит инициативный аудит в совокупности с инвентаризацией и комплексной камеральной проверкой. Я, как менеджер отдела маркетинга, задам те вопросы, которые нас волнуют в первую очередь.

Менеджер встает, подходит к флип-чарту и прикрепляет на нем треугольник, рассеченный буквой «Т», размещающийся на левом львином картуше портрета Франциска Скорины из книг «Исус Сирахов», «Бытие». Прикрепив этот знак, Менеджер нервно садится, смотрит на него несколько секунд, а после – агрессивно спрашивает у Скорины:

Менеджер. Скажите, что это за трындалет?

Доктор. Это не трындалет. Это графическое воплощение величия бизнес-империи Якуба Бабича в совокупности с зашифрованной фамилией этого уважаемого человека.

Менеджер. Я не вижу тут графического воплощения величия Якуба Бабича. Я вижу худой треугольный зад, рассеченный надвое буквой «Т». Которой, кстати, ни в фамилии, ни в имени, ни даже в отчестве Якуба Петровича не встречается!

Доктор. Сейчас я все объясню!

Менеджер. Уж объясните, будьте любезны!

Доктор подходит к флип-чарту и прикрепляет на нем уже виденную нами гравюру – портрет Скорины из книги «Бытие». На этот раз на львином картуше – треугольник с буквой «Т».

Доктор. Смотрите, мне необходимо было вписать слова «Якуб Бабич» на площадь примерно в один квадратный сантиметр, верно?

Менеджер. Вы сами предложили размещение на этом носителе.

Доктор. Я этого не отрицаю. Чтобы выписать десять букв с пробелами в такую плоскость, понадобилось бы каждую букву делать размером не более одного квадратного миллиметра. И даже если бы техника гравюры нам это позволяла, было бы бессмысленным с точки зрения возможности потом эти буквы прочитать. Поэтому я решил изобрести, скажем так, формулу фамилии Якуба Петровича, которая бы включала все звуки слова «Бабич» и первую букву его имени. Получилось нечто вроде герба...

Менеджер. Но торговцы ведь не имеют права на собственный герб! Даже выдвинутые на

пост бургомистра, как Якуб Петрович!

Доктор. Да, торговцы такого права не имеют, поэтому я и говорю «нечто вроде»... Знаки, в которых можно распознать буквы.

Менеджер. Ну, и что за буквы видны на этом треугольном вихлястом собачьем заду?

Доктор (проводит рукой по ребрам треугольника). Вот, смотрите, из центра на право – «Буки», внешний абрис треугольника – «Аз», дальше – снова «Буки», отдельная переключина – «I», получаем – «Ба-Би», верхняя переключина «Т» вместе с нижней правой плоскостью треугольника – «копа», которая дает нам звук «Ч». А весь треугольник вместе с чертой, пересекающей его по середине – «Малый Юс», то есть «Я», первая буква имени уважаемого Якуба Петровича.

Менеджер. И кто умудрится дешифровать эту заумь? Большинство видит только какой-то пепелац! На проплаченном нами месте!

Доктор. Зато посмотрите, как удачно я вас размещал!

Доктор прикрепляет к флип-чарту несколько сильно увеличенных гравюр, «ведет экскурсию» по ним.

Доктор. Следите! 1517 год. Книга «Исус Сирахов». Тот самый портрет. 1518 год, книга «Царства». Переиздание портрета из книги «Исус Сирахов». Дополнительный рекламный показ, который мы не согласовывали! 1519 год! Книга «Бытие». Снова тот самый портрет! Еще раз вы на том же самом месте – капитель мраморной колонны, львиный картуш! 1519 год. Общий титул, на всю Библию. Посмотрите, что в нижней части? Ваш знак! Увеличенная площадь, выгодная позиция! Тот же самый 1519 год. Книга «Исход». Наш символ Якуба Петровича – на гравюрах «Образец киота» (слева над ангелом), «Образец стола», «Образец светильника», «Образец требника», «Образец риз». И снова 1519 год! Книга «Левит»! Повтор гравюр «Образец требника» и «Образец риз» с нашим знаком, а также гравюра «Бог глаголет к Моисею», знак – слега от Господа, в небесах! Неплохо для торговца, не так ли? 1519 год, книга «Числа», гравюра «Израильские полки у храма». Видите, что держит в руках первый снизу знаменосец? Заметьте, я поставил хорунжего с рассеченным треугольником у храма-скинии, на том месте, где по Писанию размещался Завулон, брас Исахара! Он тоже, как и господин Бабич – торговец! Как вам сравнение! Рядом с ним – герб Габсбургов! Приятное соседство! И после этого вы еще будете чем-то неудовлетворенны?

Менеджер. Этот невнятный символ вы действительно щедро понатыкали, но как его расшифровать знаете вы один! И означать он может что угодно! Вы нас обманули, Франциск Скорина! Мы будем требовать возврата денег в судебном порядке! И что там за история с конфискацией тиража во Вроцлаве?

Доктор. К нашим рекламным делам это отношения не имеет!

Менеджер. Не имеет? (Задумывается. Видно, что он до сих пор не до конца осознает, за что точно заплатил). Ну, может быть и не имеет. В любом случае, вы поступили с нашей корпорацией не по-человечески и не по-божески. Узнаваемость наша не увеличилась! Мы просто потратили деньги впустую на ваши покатушки! И вы за это ответите! Перед Богом!

Доктор. Ах, перед Богом? (Доктор достает сотовый телефон).

Менеджер. Перед справедливостью небесной! И судом земным!

Доктор (в трубку). Але, епископ Ян? Нет? А, это ты, Юрий! Позови, пожалуйста, епископа Яна!

Менеджер (испуганно). С кем это вы разговариваете? Кого зовете?

Доктор. Как с кем? Вы сейчас про справедливость Божью говорили! Сейчас и выясним, што по-человечески, а что – нет! Как говорится, у первоисточника!

Менеджер. А «епископ Ян» это, наверное, кличка? Какого-то вашего дружка? Такого же бомжа, как и вы сами?

Доктор. Епископ Ян, дорогой вы мой, это его Преосвященство епископ Виленский Януш! (В трубку). Да, Юрий, ничего, я подожду! У меня тут теологический спор!

Менеджер. И вы знаете телефон такого человека?

Доктор. Более того! Я с ним дружу! (Приосанившись). К тому же, я его лекарь.

Менеджер. Ой!

Доктор. Что «ой!»?

Менеджер. Ой-ой-ой! (вскакивает). Мы ведь не знали, что разговариваем с таким уважаемым человеком! Человеком, который фактически подчиняется Святому Престолу! Положите, пожалуйста, трубку!

Доктор. А зачем? Вы же говорите, я не по-божески с вами обошелся?

Менеджер. Это, знаете, у меня все от стресса. Пытаюсь с Прозаком завязать. Положите, Ваша Светлость, трубочку, я все совершенно перепутал!

Доктор. И претензий ко мне нет? (Колеблется, класть ли трубку).

Менеджер. Абсолютно никаких! Наши отношения – безоблачное небо в августовский полдень!

Доктор. Ни по форме знака, ни по его размещению?

Менеджер. Только благодарность, только благодарность! Мы, кстати, очень щедро жертвуем на Костел, мы в списке почетных доноров!

Доктор. И вы продолжите финансировать мою издательскую деятельность?

Менеджер закашляется.

Менеджер. Мы? Продолжим?

Доктор (в трубку). Уже идет его Преосвященство? Отлично, Юрий, я жду!

Менеджер (торопливо). Да, да, продолжим финансирование! Продолжим!

Доктор (в трубку). Юрий, у меня тут фандрайзинг начался, я перезвоню!

Менеджер (робко). Вы только тогда обозначьте прямо в тексте, что издание стало возможным благодаря почтивому мужу, бургомистру Якубу Бабичу?

Доктор. Так и написать, почтивому мужу?

Менеджер. Ну а как еще скажешь?

Доктор. Хорошо! Так и напишу.

Доктор с достоинством встает, неспешно снимает увеличенные гравюры с флип-чарта, кладет в сумку и выходит прочь. Через минуту он возвращается на сцену, забирает сам флип-чарт и уносит его с собой. На его лице – снисходительное выражение – мол, вещь, конечно, неказистая, но в книгоиздательском деле авось и пригодится.

Сцена 3

Приемная герцога Пруссии Альберхта в Кенигсберге. 1530 год. Интерьер по-офисному неприязнителен: стол, два стула, на стене – портрет Альберхта. За столом сидит Обerrat герцога – это беловолосая коротко стриженная женщина в тевтонском боевом облачении. Рядом – двуручный меч. Напротив нее – заметно постаревший Доктор со своей фирменной клетчатой сумкой.

Обerrat. И специальное образование у вас, конечно, имеется?

Доктор. Я получил степень доктора медицины в Падуе.

Обerrat. Падуя. Звучит не по-нашему. Далеко, наверное?

Доктор. В Италии.

Обerrat. Никогда не слышала. Это от нас, наверное, еще дальше, чем Вильня?

Доктор. Да, значительно, госпожа герцогский Аберат! Это как от Кенигсберга до Вильни, наверное, раз десять.

Обerrat. Никогда не думала, что земная плоскость такая здоровенная. Сейчас, когда

крестовые походы отменили, уже и мир не посмотришь!

Доктор. О, поверьте, земная плоскость настолько же велика, что и сфера неба над нашими головами.

Обerrat. Но сам вы не итальянец? Вы же наш человек? Или поляк?

Доктор. О, нет! (Доктор энергично машет руками). Только не поляк. Там меня не любят.

Скорее я русский. Или литовец. Хотя иногда у меня бывает ощущение, что слово, которое обозначает место, откуда я, еще не появилось.

Обerrat. А что вы умеете, русский доктор?

Обerrat приветливо наклоняется к Доктору, и из-за этого двуручный меч соскальзывает со стола и с лязгом падает на пол. Доктор вздрагивает.

Доктор. В Италии я ознакомился с новейшими достижениями медицинской науки, с самыми крупными прорывами в лечебном деле, которые только известны в нашу передовую эпоху. По ту сторону Альп сейчас все только и говорят про Теофаста Бомбаста.

Обerrat. Теофаста Бомбаста? Это какой-то рэпер?

Доктор. Это алхимик из швейцарского Эга, который произвел революцию в медицине.

Госпожа Обerrat может знать его под именем Парацельсиус.

Обerrat качает головой.

Доктор. Парацельсиус утверждает невероятное. Ну, например, что гной не нужен для заживления ран!

Обerrat. Как не нужен? Без него же раны не затягиваются!

Доктор. Тут, понимаете, перепутана причина и следствие. Мы думали, что без гноя они не заживают, и специально вызывали гниение, а сейчас выясняется, что раны гноятся из-за того, что мы не соблюдаем чистоту. И что если раны промывать от гноя, больной выздоравливает быстрее!

Обerrat. У меня эта наука, господин русский доктор, в голове не укладывается. Раны? Промывать?

Доктор. Более того, Парацельсиус утверждает, что если пить лекарства – скорей поправишься!

Обerrat. Невероятно! Это нужно обдумать! На первый взгляд звучит как бессмыслица!

Доктор. И что если пить определенную их дозу, а не все сразу, то болезнь тоже отступит вернее!

Обerrat. Ну это совсем не логично! Если лекарства – пей все, вдруг Бог не отпустил тебе времени на промедление?

Доктор. И что определенные препараты, если их пьешь все сразу, могут даже повредить!

Обerrat. Что же это за медицина такая, которая вред приносит?

Доктор. Для этого наука и нужна, чтобы знать, сколько чего больному давать. Сколько пить ртути, сколько мышьяка!

Обerrat. Сразу видно ученого мужа. Может вы и ноги отрезать умеете?

Доктор. Ну уж нет, госпожа Обerrat, хирургия – это дело не врачебное!

Обerrat. Не врачебное, согласна!

Доктор. Хирургией в наше просвещенное время занимаются только цирюльники!

Обerrat. Да-да, правила я знаю. Просто думала, что если гной из ран вымывают, то может они докторам уже и операции поручили!

Доктор. Нет, ну революция – революцией, а здравый смысл терять не надо!

Обerrat. О вашей компетенции вопросов у меня больше не осталось. Таким образом, что я могу вам предложить... Сейчас у нас с Калининграде большая административная реформа. Нас переводят в светский режим. Раньше мы были пристойным городом Ордена, а теперь...

Даже и начинать не буду. Видите, все у нас теперь цивильное.

Доктор (выразительно глядя на тевтонскую броню, в которую одета Обerrat). Да, да! Это

заметно!

Обerrat. Раньше вас бы прикрепили к кенигсбергскому комтуру, подчинялись бы Верховному Госпитальеру в Эльбинге, получили бы воинское звание пфлеггер-лекаря, коня, доспехи и меч. А сейчас, при светском порядке, комтупы у нас зовутся управлениями, доспехов не дают, кони только у цивильных, кто сам купил или отжал у кого. Короче, Содом и Гоморра.

Доктор. А что касается моих обязанностей? Правильно я понимаю, что герцог Альбрехт – молодой, здоровый, поэтому мне просто надо будет заходить в бухгалтерию раз в месяц?

Обerrat. Э-э-э! Не так все просто! Ваша обязанность – присоединиться к борьбе с Тюдоровым проклятьем, и, не щадя ни живота своего, ни здоровья, помочь Господу его остановить.

Доктор. Тюдорово проклятье? Это что? Метафора для дешевого фарфора?

Обerrat. Разве вы не слышали про английскую лихорадку? Из-за нее мы и возвестили call for doctors.

Доктор. А я думал, вы просто штат расширяете.

Обerrat. Из-за Генриха VII Тюдора в Англию пришла болезнь, которая сейчас распространилась и на нас. Не иначе – Божья кара Пруссии за Краковский мир. Эпидемия. Люди мрут как крысы во время чумы.

Обerrat поднимает меч и бьет им по полу. На сцену выглядывает фогт-тевтонец.

Обerrat (Фогту). Принесите пациента.

Фогт. Какого? Получше или похуже?

Обerrat. Похуже. Какого не жалко. Нам для эксперимента.

Два фогта вносят больного на носилках. Один из них остается. Больного сильно колотит, его одежда промокла насквозь.

Обerrat (доктору). Вот, полюбуйтесь. Видите, дрожь, лихорадка, бред. И главное – очень быстро! Молниеносно. День так продрожит, постонет, и на утро – Богу душу отдает. Этому бедолаге осталось жизни минут пять.

Доктор (растерянно). В Падуе нас учили, что когда у человека горячка – его надо согревать. Потому что ему холодно. Потому что тело – горячее, чем воздух вокруг.

Доктор достает из сумки стеклянные колбочки, льняные ленты и металлические крючочки.

Доктор. Прикажите своим людям нагреть воды, я поставлю больному банки.

Обerrat. Вы уверены, что лихорадящего больного надо греть? Ведь эту болезнь еще называют «английский пот». Больной же потеет, он мокрый насквозь! Ему, по всему видно, жарко!

Доктор (фогту, неуверенно). Хорошо, принесите тогда холодной воды.

Фогт выбегает, возвращается с большим кувшином с кубиками льда. Пациент, тем временем, дрожит все меньше.

Обerrat. Я бы на вашем месте поспешила. Посмотрите, дрожь уходит. И это – совсем нехорошо. А вернее – очень плохо. Ему остались считанные минуты. (Фогту). Позовите священника!

Фогт убегает.

Обerrat (Доктору). Сейчас пациент заснет. И когда ему дадут заснуть, он уже не проснется.

Потому монахи специально следят за этим и будят тех, кто засыпает. Но рано или поздно устают и засыпают сами монахи... Потому больше всего покойников у нас по утрам.

Доктор разливает воду из кувшина по баночкам и с помощью крючочков и ленточек развешивает их на одежде пациента.

Обerrat. Выглядит очень по-научному! Так, наверное, и умирать не страшно!
Заходят Фогт и Священник. Пациента начинает снова колотить.

Доктор. Это хорошо или плохо – что его снова колотит?

Обerrat. Холодная вода мешает ему спать. Вы великий мудрец, русский доктор!
(Священнику). В вас пока нужды нет, святой отец. (Фогту). Скажи другим фогтам, чтобы наморозили льда и обкладывали тяжелых больных.

Фогты выносят больного, за ними выходит священник. Перед тем, как покинуть сцену, священник критически осматривает скляночки, которыми обвязан пациент и тихо говорит: «Да это ворожба какая-то».

Обerrat (Доктору). Я очень благодарна вам за то, что вы откликнулись и приехали к нам. От лица города Кенигсберга и всего Тевтонского ордена. Будем вести войны против этого проклятья вместе.

Доктор (растерянно). Ну, не то чтобы в этом состояло мое намерение. Как-то само получилось.

Обerrat. И главное – очень мало людей откликнулось на наш призыв! Все доктора боятся смерти, ведь болезнь то заразная.

Доктор. И сильно заразная?

Обerrat. В Кембридже и Оксфорде умерла половина населения. В Лондоне погибли даже два лорд-мэра. Вы и вправду смелый человек! (Другой интонацией). Что вас, кстати, заставило покинуть семью, дом, жены, и приехать сюда, в самое пекло?

Доктор (печально). Дом, где я жил, в этом году сгорел. Вместе с его хозяйкой, моей женой. Прожили мы с ней в согласии всего пять лет. Все, за что я ни брался, - пошло под откос.

Григорий Адверник, который финансировал мои книги, умер. Богдан Онков отказался давать деньги. «Не-целе-сообраз-но». Не так давно покинут этот мир и Якуб Бабич – последний, кто помогал.

Обerrat. Так вы искали смерти?

Доктор. Про эпидемию я услышал от вас. А мечтал я о жизни. Скажите, это правда, что у герцога Альбрехта в прошлом году появилось превеликое книжное собрание?

Обerrat. Мы его зовем «Серебряной библиотекой».

Доктор. А есть ли возможность, хотя бы самая мизерная, что герцог будет заинтересован в издании книг? В том, чтобы специально их печатать?

Обerrat. «Серебряная библиотека» пополняется иначе. Все книжные торговцы обязаны передать в ее фонды по одному экземпляру тех изданий, которые продают в Пруссии. А чтобы специально что-то издавать – не слышала.

Доктор (печально). И тут ошибся... Ну что ж. С больными я помогу, а потом уеду. Снова уеду. Только что вопрос – куда.

На сцену возвращается фогт в сопровождении священника.
Фогт. Пациент умер.

Священник достает трубу и исполняет на ней первые 8 нот Tuba Mirum «Реквиема» Моцарта.

Сцена 4.

Дом Мартина Лютера в Виттенберге. Цифры на заднике – 1532. За накрытым столом сидит сам Лютер. Это осанистый человек в черном бархатном костюме на пуговицах, с гофрированной выточкой на груди. На голове у Лютера – бархатный берет. Стол заставлен простой, но обильной едой – это разнообразные копчености, колбасы, сальтисоны, блюда из потрохов. Рядом с Лютером – его друг Филипп Меланхтон, он одет так же утонченно, как и Лютер. Компании служит человек в костюме из простого черного сукна. Он режет колбасы и подкладывает еду господам протестантам.

Меланхтон. А когда твой перевод всего Писания на немецкий язык будет готов, нужно будет его издавать. Но издавать широко. Чтобы Ветхий и Новый Завет были в каждом немецком доме. В каждом!

Лютер. Тысяч сто сразу тиснуть.

Меланхтон. И, очевидно, Мельхиор Латат тут не подходит. Он нормально напечатал Septembertestamen, но цель, к которой мы движемся сейчас, значительно превосходит прежние. Это новый этап. Нам нужен издатель.

Лютер (жует). Нам нужен издатель.

Меланхтон. И тут как раз есть один неожиданный поворот. Вчера я встретился с одним польским доктором. Он поразил меня своей эрудицией и взглядами. Абсолютно нормальный человек, как мы с тобой! Хоть и из Восточной Европы.

Лютер. Не еврей?

Меланхтон. Точно нет! Так вот, этот польский доктор рассказал, что имеет большой опыт в типографском деле. И что он может с легкостью напечатать нам хоть сто, хоть двести тысяч экзерляров Святого Писания.

Лютер. Ну мало ли чего тебе наговорит человек из Восточной Европы.

Меланхтон. Но в том и дело, что он человек осведомленный. Начал сыпать терминами – «макрица», «пуссон», я за ним даже не успеваю.

Лютер. Ты, Филипп, не успеваешь? Да ты же сам Меланхтон! Умнейший человек во всей Германии!

Меланхтон. Так я к чему веду. Так я этому поляку обрадовался, что решил как можно быстрее вас с ним свести. Он сейчас проездом из Познани, буквально на несколько дней. Нужно использовать этот шанс.

Лютер (жуя). Нужно.

Меланхтон. Я знал, что ты согласишься, поэтому я пригласил его сегодня к нам на ужин.

Лютер (перестает жевать). Предупредил бы! Ну ладно.

Меланхтон (громко). Пригласите поляка!

Лютер и Меланхтон встают. Слуга откладывает приборы и становится в приветственную позу, чтобы встретить гостя. Входит Доктор. Он сильно похудел и выглядит еще более измученным.

Меланхтон. Приветствуем doctor Franciscus polonus! (Лютер, Меланхтон, Слуга кланяются).

Доктор сильно волнуется. Он осматривает зал, секунду колеблется, потом быстрым шагом подходит к Слуге и протягивает ему руку.

Доктор. Господин Мартин Лютер!

Лютер (мрачно). Господин Мартин Лютер это я.

Доктор смущается. Он озадаченно рассматривает бархатный берет и гофрированные оборки на шикарном костюме Лютера.

Доктор (краснея). Простите, перепутал. Я просто слышал... Ай, ну, проехали!

Лютер (Меланхтону, слегка снисходительно). Ну да, видно, что из Восточной Европы.

Доктор, Лютер, Меланхтон присаживаются.

Доктор. Господин Меланхтон представил меня doctor Franciscus polonus – благодарю его за это! Я действительно доктор, хотя недавно это профессия чуть не свела меня в могилу, когда я подхватил английский пот в Королевке, то есть, в Кенигсберге. И звать меня действительно Франциск. Но что касается polonus – это сильно преувеличение.

Меланхтон. Но приехали же вы из Познани!

Доктор. Был там проездом. Как и в Виттенберге. Я не поляк. Скорее русский.

Лютер. Что еще за русские?

Меланхтон. То же поляки, только сбоку. Восточная Европа.

Лютер (с сочувствием). Восточная Европа.

Доктор. Поляки меня не любят, у меня во Вроцлаве книжки отняли. Они католики, а книжки были по-русски. А я их переводил на тот язык, на котором мы разговариваем в Вильне, и в Полоцке.

Лютер. Это хорошо, что они вас не любят. Меня католики тоже не любят. Меня Папа даже от церкви отлучил, за то, что я ему мешал деньги на собор святого Петра сшибать.

Доктор. Дело не католиках, а в предрассудках. У них в Кракове и Вроцлаве все просто – видят кириллический шрифт, и сразу пугаются. Послушать их, так Ветхий Завет должен существовать только на латыни. А как обычный грамотный горожанин его прочитает, если он на латыни? При чем за этим всем стоит такая, знаете, непрошибаемая логика. Даже не логика – философия.

Лютер (посмеиваясь). Мне кажется, я с ней знаком.

Доктор. Вроде такой: языки разделились во времена Вавилонского столпотворения.

Разделение языков – кара за людские грехи и гордыню. Латынь объединяет все языки. И благодаря ей мы с вами можем сейчас понимать друг друга. Потому-то все и должны читать Писание на латыни. А как быть тем, кто изможден трудом, и говорит на том наречии, которое дал ему Бог, которое ему передала мать в своих колыбельных.

Лютер (оживленно). И таких – большинство!

Доктор. И вот к чему я пришел. Не может быть, чтобы Господь Бог наказал нас языком нашим. Я говорю «нежность». И мне тепло на сердце. Я говорю: «любость», и в душе распускаются цветы. Я говорю «перун»! И в ушах грохочет. Латынь так и не отзывается. Через язык с нами говорит Создатель. Язык – это дар Божий, а не проклятие.

Лютер (расчувствовавшись). Вы очень глубоко копаете, господин доктор из Восточной Европы. Я пришел к таким же выводам.

Меланхтон. Господин русский наверное гусит? Если не католик?

Доктор. Бог один, Филипп. Один. Я обещал принести вам образцы своих трудов. Вот, взгляните.

Доктор достает кодекс небольшого формата и кладет на стол.

Доктор. Это «Малая подорожная книжка». Я специально сделал его такой крохотной, чтобы каждый путник мог носить ее в своей суме. Что он всегда ее имел при себе. И в странствиях, и на войне. И вместили в нее Псалтырь, акафисты и каноны. Теперь, отправляясь в командировку, скиталец больше не будет в одиночестве. С ним всегда будет Слово Божие.

Лютер (листая книгу). Сделано со вкусом. Печать отчетливая, шрифт мне нравится.

Меланхтон (заглядывая через плечо). Хотя ничего не понятно.

Лютер (подначивая Доктора). Вот вы говорите «никто не будет один». А почему бы вашему страннику вместо того, чтобы носить с собой лишний вес, не зайти в костел, не послушать мессу?

Доктор. А зачем костел. Если ты идешь под дождем по полю – и Бог идет с тобой рядом. Когда тебя жжет солнце на горной тропе, губы потрескались и хочется пить – Бог рядом с

тобой. Чтобы обратиться к Всевышнему, клир не нужен.

Лютер (выразительно и с благодарностью смотрит на Меланхтона). Вы наш человек, Франциск. Мне радостно обрести такого образованного и опытного соратника. Я тоже считаю, что верующему не нужны услуги священников, чтобы быть рядом с Богом. И вы не поверите, чего я насмотрелся в Риме! Но отбросим былое и посмотрим в будущее! Я тогда ему все расскажу, Меланхтон?

Меланхтон кивает.

Лютер. Мы в одном шаге от того, чтобы завершить полный перевод Святого Писания, обоих Заветов, на наш язык. Мы готовимся к тому, чтобы где-то года через две запустить этот *opus magnum* в печать. Это будет грандиозное издание с иллюстрациями моего доброго друга, Лукаса Кранаха. Мы изменим Германию. Вся она заговорит на том языке, который мы вложим в уста апостолов и ветхозаветных мужей. Благодаря этой Библии утвердится немецкий народ, немецкая культура, по проторенным нами тропам пройдут поэты, которые создадут великую немецкую литературу. (Торжественно). И я хотел бы предложить вам, доктор Франциск, стать нашим издателем. Вы войдете в историю Европы. Согласны?

Расчувствовавшись, доктор прикрывает ладонями лицо.

Доктор. Конечно, я согласен.

Лютер. В том случае, будем ждать вас завтра. Скажем, около второго часа дня! Обсудим детали и набросаем план действий.

Доктор. Обязательно! Ведь нам понадобятся новые пуансоны!

Лютер. Значит, до завтра! Будем ждать! Доброго вечера!

Доктор пожимает на прощание руки Лютеру, Меланхтону и даже Слуге, и бежит к выходу со сцены. Перед тем как уйти, он на миг замирает и счастливо зажмуривается.

Доктор. Неужели мечта сбывается? Неужели наконец все получится? Неужели мое смирение, моя упрямое ожидание и надежда вознаграждены? Неужели? Неужели?

Лютер, Меланхтон и Слога остаются втроем.

Лютер. Какой приятный человек!

Меланхтон. Да, я же говорил!

Лютер. Абсолютное совпадение взглядов!

Меланхтон. Невероятное созвучие!

Лютер. При том, что он происходит непонятно откуда!

Меланхтон. Ну вот видите, как бывает!

Лютер. Даже как-то подозрительно, правда?

Лютер задумывается.

Лютер. Как же так может быть, чтобы кто-то с задворков мира... Что он там говорил? Полоцк? Из какого-то там Полоцка! Придерживался насколько утрасовременных взглядов! Как-то неправдоподобно.

Меланхтон молчит – он не может предугадать, куда склонятся весы рассуждений Лютера.

Лютер. А нет ли в этом какой-то, знаешь ли, игры?

Меланхтон. Ну, может и есть.

Лютер. У тебя не сложилось впечатления, что он говорит не то, что думает, а то, что мы хотим услышать?

Меланхтон. Мартин, и зачем ему так поступать? Я с ним встречался вчера, и говорил он то же самое. И, похоже, довольно искренне.

Лютер. А может и специально! Чтобы войти в доверие!

Меланхтон. И зачем ему входить в доверие? Да он обычный энтузиаст из Восточной Европы, который ищет свое место в мире. Можешь представить, как ему там живется, с такими-то взглядами? Не удивительно, что он так стремится оттуда выкарабкаться.

Лютер. А откуда взялись-то у него такие взгляды? Как это он стал таким борзым да передовым? В Полоцке своем? Не, что-то не сходится. Какая-то, знаешь, фальшь.

Меланхтон. Может и сам дошел. Говорит, много его по свету покидало.

Лютер. Нет, не верю! Ах, черт!

Меланхтон. Что такое?

Лютер. А помнишь, Филипп, ты мне сам говорил год назад, что католики решили найти наемного убийцу по мою душу?

Меланхтон (настороженно). Помню эти слухи.

Лютер. Так вот, кому еще меня со света сживать! Как не таинственному Doctor Franciscus rolonus с края света. Приехал, втерся в доверие, отравил и уехал! И Рим не при чем!

Меланхтон (задумчиво). И Рим не при чем. Очень жаль. Мне он понравился. И что будем делать?

Лютер. Проходимца этого не порог не пускать, чтобы он тут не отравил ничего! Плохо, Филипп, что мы его книгу листали! Нужно срочно руки вымыть!

Меланхтон. Да, да! Обязательно! Яд может быть в страницах! Я про такое где-то читал!

Лютер (Слуге). Будет стучать в дверь – не открывай! Не обращай внимания! Чтобы ноги его тут не было! А мы с тобой, Филипп, в дорогу! В Торгов! Сейчас же, ночью! Потому что черт этот может быть не один, скорее всего они дом в облогу возьмут! Пока он уверен, что мы его примем завтра, нужно как можно скорее исчезнуть из Виттенберга!

Меланхтон. Может и так.

Лютер. Бережет нас Бог!

Интермедия

В правом углу сцены – вход в дом Мартина Лютера. Большая кованая дверь. Недалеко от нее – скамья. К двери легкой походкой счастливого человека подходит Доктор. Слева на сцену выходит Священник, в сопровождении Баса, Тенора, Сопрано и Альта.

Доктор стучит в дверь, и в этот момент трубач начинает играть Tuba Mirum «Реквиема» Моцарта. Вступает Бас, и с неба начинает сыпаться снег. Доктор стучит и стучит. Поначалу он суетится, смотрит на часы, и не может понять, что сделал не так, почему его снова постигла кара. А снег все сыпет и сыпет, мелодия разворачивается, Бас сменяет Тенор, Тенора – Сопрано, и Доктор унимается. Он походит к скамье, садится на нее, а потом и ложится. Его засыпает снегом. Доктор плачет. С этого момента действие перестает быть комедией и становится трагедией.

Акт третий

Сцена 1

Темница ратуши города Познань. На сцене – простая кровать, небольшой стол. О том, что это не офис, а острог, говорит и то, что в помещении совсем мало света. На заднике цифры – 1532. Доктор стоит спиной к зрителю. Дверь открывается, и заходят Слуга, Секретарь, Полицейский, Адвокат и Якуб Бжоска. Они садятся на раскладные офисные стульчики. Доктор удрученно оглядывает их, подходит к своей кровати и садится. На его руках кандалы. Полицейский вешает на стену за Судьей портрет Сигизмунда Казимировича, Короля польского и Великого князя Литовского. Потом Полицейский подходит к Доктору, расстегивает его наручники и становится рядом. Тюремная кровать превращается в скамью подсудимых, а камера – в суд.

Судья. Рассматривается дело познанского мещанина Якуба Бжоски в интересах варшавских торговцев *Lazarum et Moses Antiquus*, поданная земскому судье в отношении гражданина Франциска Русского, рожденного в Полоцке. Подсудимый, встаньте и назовите себя.

Доктор (встает). Франциск.

Судья. Подсудимый, у меня тут обозначено (разворачивает маленькую бумажку), что перед началом заседания необходимо задать вам вопрос не для протокола (Судья выразительно смотрит на Секретаря, который перестает писать): предупреждали ли вас о том, что вы не должны больше появляться в Польше?

Доктор. Да, предупреждение это я слышал. От людей, которые отняли мои книги во Вроцлаве.

Судья. Таким образом, вы были предупреждены.

Доктор. Да, был.

Судья. И все равно вы прибыли в Польшу. С 1529 года вы регулярно отираетесь в Познани.

Доктор. Мой брат Иван умер, и мне нужно было подготовить похороны. Потом – разбираться с его делами. Сюда я вернулся из Виттенберга, где я встречался с очень уважаемыми немцами. На вокзале меня и повязали.

Судья. На этом этапе вопросов больше не имею. Подсудимый, садитесь (Доктор садится, Судья кивает Секретарю, тот приготавливается записывать). Подсудимый, в связи с гуманизацией криминально-процессуального права, начатой в 1529 году, вы имеете право на адвоката, который назначен вам познанским судом. Адвокат, встаньте! (Встает Адвокат). Этот человек будет защищать ваши права в ходе процесса в том случае, если ему покажется, что вас судят с нарушением правил. (Обращаясь к Якубу Бжоске). Истец, пожалуйста, назовите себя и изложите суть претензий к Франциску Русскому из Полоцка.

Бжоска. Я обычный познанский мещанин, и никак не связан с контрразведкой и правоохранительными структурами. Но действиями этого товарища я до глубины души обеспокоен. Поэтому, когда ко мне обратились знакомые из Варшавы, купцы Лазарь и Моисей, которым этот злодей задолжал крупную сумму, я сразу согласился быть их представителем перед познанским правосудием.

Доктор. Господин Адвокат, вы могли бы спросить, почему эти люди не явились в суд лично? Адвокат (неохотно встает, монотонно произносит). Почему эти люди не явились в суд лично?

Бжоска. Потому что от Варшавы до Познани очень далеко.

Доктор. Ага, очень далеко! Целый день в пути!

Судья. Подсудимый, ваши интересы в суде должен защищать Адвокат. Вы сами не должны вмешиваться в процесс.

Бжоска (с нажимом). Если человек трудится и заботится о собственном благосостоянии, даже на половину дня не может он оставить дела.

Судья. Какое преступление совершил Доктор?

Бжоска. Он должен Лазарю и Моисею крупную сумму.

Доктор. Кто это утверждает?

Бжоска. У меня есть их показания (Достаёт лист бумаги). Вот, тут все написано «отгрузили умершему Ивану Скорине одну тысячу необработанных кож, не получили расчет. После смерти Ивана долг перешел к его брату, Франциску Русскому».

Доктор. Адвокат, спросите его, почему долг перешел ко мне, если у Ивана есть наследник по первой линии, сын Роман, который приходится мне племянником?

Адвокат (без заинтересованности). Почему долг перешел к сыну племянника Ивана, если есть наследник первого колена?.. Я запутался. Ну вы, наверное, и сами слышали.

Бжоска. Потому что Иванов сын Роман не платежеспособен и не имел с Иваном бизнес-отношений.

Доктор. А с какой поры к спорам стали привлекать не тех, кто виноват, а тех, кто платежеспособен? Да еще и вопрос, кто из нас больше платежеспособен!

Судья. Подсудимый, соблюдайте порядок. Истец, продолжайте!

Бжоска. После получения наследства от Ивана, Франциск Русский рассчитался со всеми кредиторами брата кроме Лазаря и Моисея.

Доктор. Спросите, господин Адвокат, почему долгов этим Лазарю и Моисею не было в списке тех, кому Иван был должен?

Адвокат (неохотно). Почему этих Лазаря и Моисея не было должных, в списке (зевает)?

Бжоска. Наверное, потому, что ваш брат небрежно вел свои финансовые дела.

Доктор. Есть ли доказательства, что брат им действительно должен? Ведомости, счет-фактура, платежки?

Судья. Подсудимый, где ваше уважение к процессу? Все вопросы должен озвучивать адвокат!

Бжоска. В том и доказательство, что потерпевших двое! Лазарь свидетельствует, что Моисей не лжет, а Моисей – что Лазарь!

Доктор. Адвокат, спросите, почему претензии этих досточтимых господ нарисовались только сейчас, в 1532 году? Мой брат умер три года назад! Где они были все это время? Почему ко мне не обращались? Они вообще существуют в природе, эти Лазарь и Моисей?

Адвокат (теряя терпение, Судье). А можно я не буду спрашивать? Что это вообще за практика? Почему мне преступник диктует, что спрашивать, а что нет? Можно я сам буду решать, когда мне вставать, а когда – нет?

Судья. Да, господин адвокат, можно! Доктор, не нервнируйте адвоката. Он с вами в одной лодке.

Доктор. Вы все тут в одной лодке! Но я на вас управу знаю! (Достаёт мобильный телефон, набирает номер). Але? Это Епископ? Але? Але? (Растерянно). Что-то ничего не слышно!

Полицейский. Это же острог. Тут не GSM-покрытия.

Доктор (в отчаянии). Нет покрытия?

Судья (Полицейскому). А почему трубку при оформлении не конфисковали?

Полицейский. Тут же все равно нет приема, пускай играет.

Судья. Истец, продолжайте, а то тут как-то сыро, надо поскорей заканчивать. А то еще ревматизм подхватим.

Бжоска. Все и так ясно. Человек задолжал. При задержании он признался, что денег не имеет. Должен сесть.

Доктор. Я не понимаю, откуда этот незнакомец так хорошо осведомлен о моем задержании? Откуда он вообще взялся?

Судья не обращает внимания на слова Доктора.

Бжоска. К уже сказанному могу добавить следующее. Этот русский доктор проводит подрывную работу на территории Польши. По сути, он бродяга, цыган. Чем он вообще по жизни занимается? То он доктор, то философ, то переводчик, то издатель, то торговец кожами, а потом снова доктор. Посмотрите в его паспорт – Полоцк, Вильня, Краков, Падуя, Прага, Королевец, Виттенберг, Познань, Вроцлав...

Доктор. А паспорт ты мой как увидеть мог? Ты кто, Бжоска?

Бжоска. Добропорядочные граждане всю жизнь находятся по месту прописки, а не тягаются туда-сюда по свету. А этот еще при себе имел антихристову книжку, в которой Божьи слова были специально перевраны для таких же как он бродяг. Он наверняка злодей, а может и бывший зэк, иначе зачем так часто менять дислокацию? Путешествуют только те, кто на одном месте людям в глаза смотреть боится.

Судья. Спасибо за полезное наблюдение, оно отлично характеризует этого русского доктора, если он, конечно, доктор, а не диплом в переходе купил. Это обязательно будет отражено в приговоре. Есть ли вопросы у обвинения?

Бжоска. Да, есть один вопрос. Как мы знаем, в 1520 году подсудимый занимался православной пропагандой на территории Краковского Университета, после чего и был взят в разработку. Так вот, какое у этого русского вероисповедание?

Доктор. Я христианин.

Бжоска. Христианин это не вероисповедание. Это знак принадлежности к человеческому роду. Мы и так видим, что у вас две руки, две ноги, и что вы не мавр. Что христианин. А конфессия?

Доктор. Бог един.

Бжоска. Бог един. А вот чертей – уйма. А не каждого черта – по ереси. И Лютер, и Московский патриарх придумали себе изощрения. Судья, вы слышали, он кроме Москвы еще и в Виттенберге был.

Доктор. В Москве я не был. Ни разу.

Судья. Каким будет последнее слово адвоката.

Адвокат. Виновен!

Доктор. А можно мне сказать?

Судья. Нельзя, но поскольку в ближайшее время разговаривать вам придется только с крысами, послушаем, если коротко.

Судья вставляет в уши наушники и включает в плеере музыку.

Доктор. Что путешествовал – да, было. Но теперь время такое. Европа – как разоренное гнездо. Тут – знания, там – мастерство. Тут медицину знают, там – типографское дело. Где-то астрономию признают, а где-то – плюют на нее. Там Абеяра хвалят, а тут – он еретик. Настоящий ученый – тот, кто склеивает этот мир, рассказывает немцам про испанцев, в Вильне Падую в сердце носит, а в Венеции поэтам рассказывает Полоцкие легенды.

Бжоска. И православную пропаганду не забудь.

Доктор. И разве я не тоскую по родине? Я бы хотел всю жизнь прожить в родном Полоцке или в Вильне. Бродяга я против собственной воли – в этом мое проклятье, приговорен я к непокою. А если по сути дела – то если Иван был должен этим людям, и даже если и не был, а суд считает, что за ними правда, то дайте мне написать Роману, он к вечеру деньги соберет и передаст им в Варшаву через этого Бжоску. Действительное назначение этого процесса я понял и меседж до меня дошел. Вы не хотите, чтобы я оставался тут, и приговор, конечно, будет условный, потому что ну не принято за чужие долги людей в тюрьму сажать. Я из Польши уеду сегодня же ночью и не вернусь больше никогда. (Доктор садится).

Судья достает наушники из ушей, выключает плеер.

Судья (достает заранее приготовленную бумагу, читает по ней). Земский суд города Познань рассмотрел заявление познанского мещанина Якуба Бжоски в интересах варшавских торговцев *Lazarum et Moses Antiquus* в отношении доктора Франциска Русского, рожденного в Полоцке.

Доктор. Когда вы успели это написать?

Судья (без пауз). После всестороннего рассмотрения все обстоятельств дела, заслушав

аргументацию потерпевшей стороны и оправданий преступной стороны, суд установил следующее. В период с 1525 по 1529 год Доктор Франциск Русский осуществлял совместную хозяйственную деятельность с братом Иваном по фамилии Скорин. Иван Скорин на территории Польши в городе Познань имел торговую базу. В 1529 году Иван Скорин при бездействии Франциска Русского умер, оставив по себе 47 тысяч 468 кож – мохнатых и лысых. Кожы были получены в наследство доктором Франциском Русским, а также сыном Ивана Романом, и поделены между ними. Установлено, что Иван Скорин на момент наступления состояния смерти имел большой долг перед поставщиками. С большинством этих поставщиков наследник этого долга Франциск Рус рассчитался передачей лысых и мохнатых кож, но варшавские торговцы Лазарь и Моисей не получили никакой сатисфакции. После неоднократных попыток добиться от Франциска Руса оплаты, они не смогли даже разыскать его. Подсудимый вел антисоциальный образ жизни, бродяжничал, постоянно меняя место жительства с целью избежать выплаты долга. В ходе процесса ясных объяснений уклонению от выплаты долга предоставлено не было, как не было предоставлено и доказательств финансовой способности Франциска Руса, который промотал наследство брата на туризм, выплатить долг Лазарю и Моисею. При учете всех вышеперечисленных обстоятельств, Земский суд города Познань приговаривает Франциска Русского к бессрочному лишению свободы в ратушной узнице до тех пор, пока долг перед варшавскими торговцами *Lazarum et Moses Antiquus* не будет погашен. Приговор вступает в силу с момента оглашения и обжалованию не подлежит.

Судья, Секретарь, Адвокат и Якуб Бжоска встают. Оглушенный приговором, Доктор смотрит перед собой.

Полицейский снимает портрет короля Сигизмунда со стены. Процессия собирается уходить.

Доктор (вскакивает). Дайте хотя бы позвонить Роману! Позвоните ему сами! Если он не узнает, то я тут застряну на несколько месяцев!

Полицейский. Звонки из тюрьмы запрещены.

Полицейский с грохотом закрывает дверь. В камере гаснет свет. На сцене – тишина и темнота. Наконец, слышится голос Доктора. Во время первых его слов загорается тусклый свет, но камера все равно тонет во тьме.

Доктор (печально). «Понеже от прирожения звери, ходящая в пустыни, знают ямы своя, птици, летающие по въздуху, ведають гнезда своя; рыбы, плывающие по морю и в реках, чуютъ виры своя; пчелы и тым подобная боронятъ ульев своих, — тако ж и люди, и где зродилися и ускормлены суть по бозе, к тому месту великую ласку имають». Зачем я это писал, если они меня не слышат? Если я для них – бродяга. Зачем я издавал книги во имя Твое, если они считают меня богохульником и еретиком? Почему вокруг меня только тьма? И так – год за годом, год за годом? Я больше не могу, Господи! Смилуйся надо мной! Пошли знак, что все это не напрасно! Что написанное мной прочитают! Хотя бы когда-нибудь! Дай знак! Прошу, дай мне надежду, Господи!

Небеса молчат, и как и всегда в подобных случаях.

Сцена 2

Москва. Площадка перед входом в метро. На заднем плане видел красный знак «М» и обозначение года 1533. Сыпет снег. На парапете – знакомая нам клетчатая сумка, рядом с ней – книги, когда-то изданные Доктором. Книги быстро покрываются снегом. Доктор сметает его веником. На сцену выходит московский Полицейский. Он берет книгу, с умным видом ее листает, и решительно обращается к Доктору.

Полицейский. Майор Краснопресненского отдела внутренних дел города Москвы.
Документы.

Доктор роется в сумке, достает несколько больших листов бумаги.

Полицейский. Что это?

Доктор. Паспорт.

Полицейский. Паспорт. Он бордового цвета, вообще-то. А у вас – серый.

Доктор. А это - *Litterae Passum*, который мне выдал прусский герцог Альбрехт, когда я Калининград от английской лихорадки лечит. А это – указ польского короля Сигизмунда о моем освобождении из Познанской узницы, видите, тут написано: «славный Франциск Скорина из Полоцка», человек «необычайной учености»!

Полицейский делает вид, что разбирает бумаги и может прочесть надписи в них. Услышав имя, оживает.

Полицейский. А что за имя? Франциск? Ты что, поляк?

Доктор. Что вы, товарищ майор московской полиции! Поляки меня десять недель в тюрьме держали! Как пропагандиста православия! Пока до племянника эти новости не дошли, и он долг не оплатил! Достучался от до самого Сигизмунда Второго. А я им говорю, что в Москве даже и не был никогда, а они не верят! Так я решил посмотреть, может хотя бы тут мои книги кому-то понадобятся.

Полицейский (заканчивая задумчиво листать бумаги). Не понял. А московская регистрация где? Где регистрация московская? Голубенькая такая бумажка, с печатью квадратной?

Доктор. А *Litterae Passum* от калининградского герцога не подойдет?

Полицейский отрицательно качает головой.

Доктор. Я так понимаю, что если я позвоню Епископу Виленскому Яну, это тоже не поможет?

Полицейский? Какому Епископу? Голубь ты мой круторогий, ты задержан. Складывай свою порнуху в сумку, пойдем оформляться.

Сцена 3

Управление по дружбе и межрегиональным связям Департамента культуры города Москвы. Стол, за которым сидит корпулентный Начальник управления. В центре – шрёдер для уничтожения бумаг. Перед ним – служебные документы, кальки, копирки, и иная канцелярская всячина. На столе разложены книги Доктора, конфискованные при задержании. Тут же – типографская касса со шрифтами. Над столом – портрет Великого князя Московского, Владимирского и Всея Руси Василия Третьего Ивановича. Входит Полицейский с Доктором. Доктор в наручниках.

Начальник (Встает). О, какие люди! Гостеприимная московская земля сердечно приветствует вас! Всегда рады!

Доктор. Ага, рады. Сколько дней вы меня в участке держали?

Начальник. Наши действия целиком находятся в рамках правового поля. Имеем право задерживать до полного выяснения личности. Тем более что вы мало что без регистрации, да еще и поляк.

Доктор. Я не поляк. Я русский.

Начальник. Были бы вы русским, вас бы звали по-человечески. Георгий, например! Вас,

случайно, не Георгий зовут?

Доктор. Меня зовут Франциск.

Начальник. (Серьезно). Вы уверены?

Доктор. Уверен.

Начальник. Хорошо подумали?

Доктор. Хорошо.

Начальник. Ну тогда продолжим. Расстегивай его, майор.

Майор снимает наручники с Франциска. Полицейский становится у двери, демонстрируя, что задержанный не свободен в передвижениях. Доктор бросается к своим книгам на столе, пересчитывает их.

Начальник (Весело). Успокойтесь, все конфискованное тут! Садитесь уже. Мне поручено провести с вами профилактическую беседу. Начнем с самого начала. Вот это вот что такое?

Начальник подталкивает к Доктору типографскую кассу, полную кириллических букв.

Доктор. Это знаки русского письма, изготовленные по моему заказу в Венеции для типографий в Праге и Вильне. Это все, что осталось от моего издательского предприятия после того, как дом, где оно размещалось, сгорел. После и пробовал снова начать печатать – в Калининграде, в Виттенберге, но по разным причинам не получилось. Отправляясь в Москву, я решил взять с собой все свое имущество. Остатки книг и шрифты. На тот случай, если тут добрых людей заинтересует издание книг. Шрифты – самое сложное в этом процессе. Остальное в печатном станке можно собрать хоть из ткацкого.

Начальник. И зачем вам понадобились наши «азы», «гервы» и «фетры». (Начальник берет из кассы несколько букв). Вы же поляк.

Доктор. Смотрите. Сложим какое-нибудь слово. Какое? (Бросает быстрый взгляд на стену).

Ну, например, «князь». Берем для этого буквы «Каф», «Наш», «Малый Юс», «Зело» и «Ерь» (Доктор выбирает нужные буквы из кассы). Закрепляем в наборе. Потом нам понадобятся чернила (Доктор выхватывает из стопки бумаг на столе Начальника копирку) и бумага (берет чистый лист).

Доктор. Мы аккуратно расправляем слегка влажную бумагу на декеле и прижимаем к ней прокрашенный набор (Он кладет на копирку буквы и кулаком прижимает их к бумаге через копирку). Вот, видите, как хорошо получилось! (Доктор снимает копирку и показывает надпись).

Полицейский. Поляки захватили наш язык! Наши слова!

Начальник. Ха! Да не волнуйся так, Майор! Все под контролем! Ну и объясните нам, непонятливым, зачем так извращаться, если можно просто взять карандаш и написать «Поляк!» (Карябает на использованном Доктором листе бумагой). Быстро. Красиво. Правдиво.

Доктор. (Накладывает копирку на тот же лист). Когда форма уже готова, можно изготовить сколько угодно отпечатков. Только бумагу подноси и краску обновляй! (Доктор бьет по копирке снова и снова). Вот: «Князь!», «Князь!» «Князь!» «Князь!» «Князь!»

Полицейский. Да ты что, оборзел?

Начальник. Сейчас же прекратите глумиться!

Доктор демонстрирует лист с оттиснутыми словами.

Доктор. Мои книги, при всем их внушенем подобии на старые кодексы, изготовлены именно таким способом.

Начальник (Снова становится веселым). Ну, про книжки ваши мы сейчас поговорим. А по поводу вашей методы – так вы тут такой не первый. Был тут у нас такой же. Тоже из ваших.

(Полицейскому). Был же?

Полицейский. Был. Тоже поляк, Баутромей Готан. Носился с каким-то станков. Русский язык прессовал, ирод рода человеческого.

Начальник. Напомни, и что с ним в конце концов сделали?

Полицейский. Утопили, товариш Начальник управления дружбы и межрегиональных связей департамента культуры города Москвы!

Начальник. (Смеется). Вот-вот. Утопили! Все время забываю, утопили или повесили.

Доктор. Но вы же мне книги вернете, правда? Вы же признаете, что то, что я делаю – очень полезное дело?

Начальник. Что? Вот это? (Начальник демонстрирует Доктору бумажку с многократно отпечатанным словом «Князь»). Вот это полезное дело?

Доктор. Ну хорошо. Поляки меня обвинили в православной пропаганде. А у вас какие ко мне претензии?

Начальник (снова становится серьезным). «Вначале было слово. И слово было Богом. И слово было Бог». Помнишь, наверное. Сам же переводил.

Доктор. Не переводил.

Начальник. Что значит «не переводил»?

Доктор. Это из Евангелия от Иоанна, а я Ветхий Завет издавал.

Начальник. Сам-то я не читал, не очень разбираюсь. Но это не отменяет сути. «Слово было Бог». Набедокурил ты аж три раза. Потому что поставил себя вровень с Богом, когда стал умножать слова, которые тебе не принадлежат. Потому что перевел Писание на язык, который тебе не принадлежит. И потому что выказал неуважение Московской державе, которой ты не принадлежишь.

Доктор. А власти московские тут при чем?

Начальник. Скажи мне, поляк. Это кто? (Начальник кивает на портрет Василия III Ивановича).

Доктор. Московский Князь.

Начальник. Полный титул.

Доктор. Князь московский Василий III Иванович.

Начальник. Полный титул, я сказал!

Доктор. Князь Московский и Владимирский.

Начальник (кричит). И всяя Руси, и всяя Руси! А ты что написал? (Берет книгу, листает). Вот тут, в «Апостоле», концевая приписка. «Пры держаніи наласкавшего господара Жикгымонта Казімировича, Короля польского, И великого князя Литовскаго, И рускаго, И жомойтьскаго И иных, Во славном месте виленском выложена, и вытиснена, Працею и великою пилнностью Доктора Франциска Скорины с полоцка!» Сигизмунд Казимироваич, польский пес, у тебя – «Великий Князь Русский»! И с таким манифестом в суме ты решил пересечь границу с Москвой! И вступить в юрисдикцию Василия III Ивановича, действительного русского владыки!

Доктор. Концевая приписка это просто традиция, я изложил там титул Сигизмунда как он сам себя называет. Но важно не это, а мое намерение. А намерение мое состояло в том, чтобы напечатать Святое Писание на том языке, на каком говорят в нашем краю обычные люди.

Начальник. И что это за язык такой?

Доктор. Тот, на котором мы сейчас разговариваем.

Начальник. И как он называется.

Доктор. Русский!

Начальник. Серьезно? «Найласкавшы господар», «праца», «пильнасць» - это русские слова?

Доктор (растерянно). А разве нет?

Начальник. Польские это слова! Польские!

Доктор. Да нет, товариш начальник управления по дружбе, я был в Польше, меня там даже судили. Но там совсем по-другому говорят, и чтобы понимать друг друга приходится переходить на латынь.

Начальник. И кстати, ты католик или православный?

Доктор. Бог един!

Начальник! Бог един, и он – православный!

Доктор. Я уверен, что православные потомки меня запишут в византийскую веру, а католики – в римскую.

Начальник. Твои книги написаны русскими буквами на польском языке. Они оскорбляют Богу ошибками в правописании, в святом тексте. Они – вред и ересь, как и ты сам. У нас тут был уже один такой, переводил от балды, лишь бы как (смотрит на Полицейского).

Полицейский (подсказывает). Максим Грек.

Начальник. Ага! Максим Грек. Прибыл по приглашению властей. Казалось бы, мужик нормальный, с Афона, в Италии учился. Но западник. А любой западник – хоть немножко, а поляк. Простая задача перед человеком стояла – перевести «Толковый Псалтырь» так, как надо было. Так нет же. Сделал по-своему. Попросили исправить ошибки – начал спорить. Мол, не ошибки это! Мол, я в отличие от вас, дуралеев, греческий язык знаю! Ну и что? Осудили, отправили изучать греческий в Волоколамск. В монастырь строго режима. На шесть лет. Потом вернули, на собор вызвали. (Полицейскому). Это же буквально в позапрошлом году было, помнишь?

Полицейский. Плакал!

Начальник. А я о чем! Плакать начал, на коленях тут ползал, отпустите, говорит, меня обратно в Афон. А как мы его отпустим? Он же за границей против нас пропаганду начнет! Что мы тут европейских интеллектуалов мучаем! У него, к тому же, даже за шесть лет сидки ума не сильно прибавилось. Не понимает, что переводить надо как говорят, а не из головы. Ну и что? Отправили его в Отроцкую обитель в Тверь. От таинств отлучили, в железо заковали. Чтобы лучше слово «свобода» понимал. А то вы, поляки, слишком уж им злоупотребляете. А смысл слова забываете. «Свобода», «Свобода», «Свобода»! Вот и ты туда же!

Доктор. Послушайте! Книги мои никому вреда не принесли! Они никого не оскорбляют – ни Великого Князя Василия Третьего Ивановича, ни Господа Бога, ни Деву Марию.

Полицейский (Зевая). Он, похоже, не понимает.

Начальник. Товарищ поляк, проблема не в том, что перевод твой не канонический. Проблема в том, что единственный язык, на котором можно распространять Евангелия и Ветхий Завет – церковно-славянский. Слово человеку не принадлежит. Не принадлежит оно мужику-лапотнику. Челюди. Люди – пыль. Пыль в руке Господа. Понимаешь это? Пыль должна молчать, а говорить должен Бог. Или тот, кто Богом поставлен. В текущий момент это Великий Князь Московский, Владимирский и всея Руси Василий Третий Иванович.

Доктор. На церковно-славянской Евангелии людям не понятны. Их могут только священники читать.

Начальник. Заруби себе на носу! Писание потому и Святое, что оно не для всех! По нему православные священники православных же и учат. А быдло читать, и тем более писать не должно. Оно должно слушать и исполнять, слушать и исполнять.

Доктор. Я понял. Я тогда книги с собой заберу.

Полицейский. Смотри-ка, как ты уверен, что мы тебя отпустим! А ты, пшэк, слышал, что случилось с европейским лекарем Немчином Антоном?

Начальник. А что, кстати, случилось?

Полицейский. Его наняли лечить сына татарского князя Каракучи. Каракучу-младшего лекарь не вылечил. Пришлось резать его под Москворецким мостом. Что Каракуча-старший не обижался.

Доктор. Меня режьте, а книжки не трогайте.

Начальник. Книги твои – сатанинские. В них такие картинки, которые православным людям видеть нельзя. Вот это, например, что за чудище? (Начальник протягивает Доктору раскрытую книгу).

Доктор. Это наяда.

Начальник. Наяда? Ты поместил это извращение языческое в Святом Писании? И думаешь, что тебе это с рук сойдет?

Доктор. Да это же фрагмент орнамента!

Полицейский. Орнамента, сакрамента, тэстмента! Видишь, как по-польски шпарить начал! Совсем страх потерял!

Начальник. По вышеизложенным причинам, книги подлежат сожжению. Майор, разводи огонь.

Полицейский подходит к столу, собирает книги и несет их к шрёдеру.

Доктор вскакивает и преграждает ему путь.

Доктор. Погодите! Но мы же не закончили дискуссию! У меня есть еще аргументы!

Начальник. Никто с тобой дискуссию не ведет. Это там у вас, Польше, дискутируют. А мы тут с тобой ведем воспитательно-профилактическую беседу. Мы говорим – ты слушаешь. Решение насчет твой богохульной римской пропаганды давно принято, причем на высшем уровне. (Начальник кивает на портрет Василия Ивановича). Цитирует с гербовой бумаги, которая лежит у него на столе, по слогам. «Знищить огнем книги етыя помноженные в мясцох, что подлежат римской зверхности».

Доктор. Лучше меня сожгите!

Начальник. Мы бы с удовольствием. Конечно, не «вместо, а вместе»! Но с – удовольствием. Только между Сигизмундом и Василием Ивановичем подписано соглашение, что если ваши нам попадутся, что распинать и четвертовать их строго запрещается. (Берет еще один документ со стола, цитирует по слогам): «А нашим купцом изо всех наших земель во вси твои земли приехати им и отехати добровольно, без всяких зачепок». Видишь, пришлось подписать. Потому что наш малый и средний бизнес все время от вашего рекета страдал. Поэтому придется книжкам гореть отдельно, без того, кто их нашлепал. Жги, майор!

Полицейски пытается всунуть книгу в шрёдер, но она не помещается в окошко для приема бумаги. Он вырывает отдельные листы и пропускает через бумагоизмельчитель. Из агрегата летит бумажная стружка.

Начальник (Весело). Хорошо горит! Как во время «Зарницы» в пионерлагере!

Доктор размахивается и бьет Полицейского в челюсть, наваливается на него, пытается свалить на пол. Но тот значительно сильнее – он легко отталкивает Доктора, сбивает с ног и с видимым удовольствием бьет его служебным электрошокером. Добавляет пару ударов берцами по голове. Доктор теряет сознание. Полицейский снимает с бедра дубинку и начинает его месить.

Полицейский (с одышкой, Начальнику). Ну бить же нам их не запрещено?

Начальник. Главное, не переломай ему ничего!

Обработав Доктора, Полицейский подтягивает его тело к стене, пристегивает наручниками к батарее и возвращается к шрёдеру. Начальник подходит, чтобы помочь ему разрывать книги на отдельные страницы и запихивать в шрёдер.

Доктор (приходит в сознание). Везде, где я был, все, с кем мне доводилось разговаривать, от литовского священника до австрийского дипломата и прусского солдата, говорили мне, что я занимаюсь не тем. Что дело мое дело мое яйца выеденного не стоит, а мечты – полный бред. Меня держали в остроге, книги отбирали, отказывали в самом необходимом. Но никто до сих пор не жег книг. Никто!

Начальник поднимает пук стружки, вышедшей из шредера, и весело кидает его в Доктора.

Доктор. Вы хотя бы шрифты мне отдадите?

Начальник (пританцовывая, набрасывает на Доктора измельченную бумагу, похожую на новогодний «дождик»). К сожалению, вынужден отказать. (На распев). Шрифты как средство, с помощью которого были изготовлены оскорбительные для московских властей материалы, мы конфисковываем!

Доктор затихает, растирает по лицу кровь, прислоняется разбитой головой к стене. Уничтожение книг продолжается, Начальник танцует, разбрасывая бумажный «дождик» и напевает «На белом-белом покрывале января любимой девушки я имя написал. Не прогоняй меня, мороз, хочу побыть немного я на белом-белом покрывале января!»

Доктор. Но это ничего. Листья тоже облетают. Зимой деревья спят. И может даже показаться, что они умерли. Такие черные. Неживые. А в апреле на их ветвях проклеваются новые листья. Кто-то здесь, в Московии, сделает из моих венецианский букв новые наборы. Через заказанные Франциском Русским матрицы прорастут новые тексты. Все будет иметь смысл! Все будет не напрасно! Все будет не зря!

Начальник (все еще танцует с бумажным «дождиком»). Ты не понял, поляк! Шрифты твои тут нафиг никому не упали! В нашей стране книг печатных не будет! Ни теперь, ни в обозримом будущем! А перевод Библии на русский язык, а не церковно-славянский, так вообще лет через триста только появится. А шрифты твои я в картон переделаю. В ружье засыплю и на охоту пойду!

В этот момент начинает очень громко звучать припев песни Вадима Казаченко «На белом-белом покрывале января». Пританцовывать начинает и Полицейский, самоотверженно разрывающий книги. Доктор вдруг улыбается деснами, с выкрошенными берцами майора зубами, и начинает двигаться в такт песне, отбивая ритм ногами.

Сцена 4

Ботанический сад короля Фердинанда Первого Габсбурга в Праге. На сцене – небольшие декоративные деревца, среди которых стоит скамья. Над ней светится дата – 1540 год. На скамье сидит Шеф службы личной охраны короля. Это неприметный человек в черном костюме с наушником в левом ухе. К скамейке нетвердой походкой приближается старый садовник. Он опирается на лопату, которой только что копал землю. В садовнике с трудом узнается Доктор. Он абсолютно седой, все жизненные соки покинули его. Он садится рядом с королевским охранником.

Доктор. Добрэ рано, панэ шеф королевской охраны! Какая чудесная погода!

Охранник. Добры рано, панэ итальянский садовник! Апрель в Праге – приятная пора.

Доктор. Это вы будете проводить со мной дополнительное интервью?

Охранник. Да даже не интервью. У Службы охраны его Величества Фердинанда Первого возникло к вам несколько вопросов. Вы, собственно, уже прошли испытательный срок в шесть месяцев, и нам нужно лишь изменить ваш временный бэдж на постоянный. К нам прибыли ваши документы, и я внимательно с ними ознакомился. Заметил некоторые нестыковки. Вы работаете в дворцовом периметре первой охранной категории, в который имеют выход светское руководство Австрийской империи, король и члены двора. Поэтому хотелось бы лично убедиться в вашей clearance.

Доктор. Буду рад вам помочь.

Охранник. На интервью эйчарам королевской хозяйственной службы вы сказали, что имеете опыт в ботанике.

Доктор. Я не говорил, что имею опыт в ботанике. Я говорил, что учился медицине в Падуе. А также я говорил, что ботаника – это анатомия деревьев. И что тот, кто знает медицину, знает достаточно, чтобы не повредить деревьям.

Охранник. Хотел уточнить. К вашим действиям вопросов мы не имеем. Вы расширили территорию парка, украсили ландшафт. Просто у вас немного витиеватая биография. Вы в тюрьме сидели?

Доктор. По недоразумению. Эта судимость снята.

Охранник. И в Москве у вас проблемы были.

Доктор. Проблемы в Москве – повод для гордости в Праге. Не так ли?

Охранник. И ваши рекомендационные листы. Вы представили очень красноречивое письмо епископа Познанского, Яна.

Доктор. Да, Ян – мой хороший друг еще по Вильне! Может и последний друг!

Охранник. Действительно, в своем письме он вас нахваливает, отмечает вашу широкую эрудицию, острый разум и доброе сердце. Решение по трудоустройству принималось в том числе и на основании данного документа. Так вот, данная рекомендация более не действительна. Я вынужден удалить ее из вашего личного дела.

Доктор. Почему же?

Охранник. На момент ее подачи, автор ее уже умер.

Доктор. Епископ умер?

Охранник. Еще в позапрошлом году.

Доктор молчит. Охранник продолжает.

Охранник. И вот еще нестыковка. За всю свою карьеру вы работали по специальности менее года, в Кенигсберге, в 1530-м?

Доктор. Еще я лечил епископа Яна во время его жизни в Вильне.

Охранник. Он не сможет подтвердить ваши слова. К тому же в его рекомендации нет ни слова про ваши врачебные компетенции. Там отличаются гуманитарные заслуги и даже какое-то... книгоиздание? Вы занимались типографским делом?

Доктор. Да, был и такой период.

Охранник. Судя по документам, достаточно продолжительный, с 1517 по 1532.

Доктор. Начинал я в Праге.

Охранник. И где ваши книги?

Доктор. Я потому и не внес эту позицию в свое CV. Тут гордиться нечем. Угрохал лучшие годы, и ничего не осталось. Все прошло, как круги на воде.

Охранник. Дополнительный вопрос возникает в связи с вашим самоименованием. На временном бэдж, выданном вам на испытательный срок, по вашему же предложению значится «Итальянский садовник».

Доктор. Это потому что я учился в Падуе.

Охранник. Но на все остальных документах с прошлых мест работы значится «Доктор Русский» или «Доктор Рус».

Доктор. Просто они постоянно называли меня поляком. А я с этим не соглашался, и просил писать, что я русский. Ну а после случая в Москве...

Охранник. А что за случай в Москве?

Доктор. Познакомился с любителями книг. С той поры стал итальянцем.

Охранник. Но так нельзя. Нельзя всю жизнь издавать книги, а потом рекомендоваться большим знатоком деревьев, претендуя на пост королевского садовника. Нельзя быть русским, а потом за один день превратиться в итальянца.

Доктор. Наверное, такой уж мой путь, Богом данный. Что нужно мне – не нужно людям. Пошел ва-банк и обанкротился.

Охранник. Ничего себе банкротство! Садовник короля! В роскоши решили пожить?

Доктор. Скорее, тихо умереть. Все, что я хочу – умереть тихо. За этим и приехал.

Охранник. Путь ваш, «Богом данный», слишком уж запутанный. Что за книгоиздатель без книг? С рекомендациями от умерших? Решение по трудоустройству вашему принимал его Величество Фердинанд. Возражать ему не буду. Но вас беру под надзор. (Охранник показывает малозаметную камеру, прикрепленную к одному из деревьев). И что касается бэджа. Вот вам постоянный. Тут написано то же, что и на ваших прежних. Потому что обмана я не люблю. «Доктор Рус».

Доктор. «Рус»? Знаете, что они со мной сделали? Разрешите называться хотя бы Раусом?

Охранник. Это можно. Исправьте ручкой. Сделаем новый, с «Раусом». Главное – не вводите в заблуждение людей. Не рекомендуйтесь «садовником из Италии». Работайте, Доктор Раус. Растите сад во славу короля и Бога.

Охранник уходит. Доктор остается один. Смотрит на деревце, растущее неподалеку.

Доктор. Прошлое разворошил. От того, что было, даже дышать тяжело. «Растите сад!» «Вы русский», «вы поляк!» Опостылело!

Доктор встает, опираясь на лопату подходит к дереву, прикасается к почкам на ветвях.

Доктор. Набухли, скоро зацветут. (Смотрит под ноги). Глянь ты, ростки показались. Я их не сажал. Не моего труда плоды.

Доктор садится на скамьи, его лицо яснее.

Доктор. Шрифты забрали, станки печатные пропали. И пражский, и виленский. Нет больше мастерских, тигелей нет и кук. И книжек больше нет. У меня. Но зерно упало. Слово – Бог, но не для того, чтобы люди страх перед книгой имели. Не чтобы молчали, а наоборот. Через слово с нами вечность говорит. Книгу можно уничтожить, а слова – нет. Сожгли мое дерево, корни порубили в щепки. Не будет больше листьев, неоткуда побегам взяться. Надежды, кажется, уж нет. Нет больше дерева, но будет бор. В земле слова мои. И скоро прорастут. Придет весна, и вспомнят про меня. Язык мой и любовь, мой Бог и мое дело – заметны станут людям. И миллионы скажут слово вслед за мной на языке, что мне всего дороже.

Доктор с благодарностью поднимает голову вверх

Доктор (В небо). Спасибо за надежду! (Рассудительно). Остались те экземпляры, которые у меня отняли во Вроцлаве, несколько кодексов должно было попасть и в Вильню. Значит, зерно упало. Осталось дожидаться весны. А она скоро придет! Потому что это закон природы! Зима кончается. Даже затяжная. Даже такая, которая длится столетиями.

Эпилог

Мастерская интролигатора во Вроцлаве. Офисный стол, два стула, на флип-чарте – эскизы фрагментов дизайна ренессансных обложек. За столом, заваленном книжными обложками и неоправленными книжными переплетами, – мастер Интролигатор и Помощник. Они вместе склонились над большим рукописным манускриптом. Немного поодаль – стопка книг, изданных когда-то Доктором. На заднике дата – 1571.

Интролигатор. Переплёт, Марочек, это вообще главное в книге. Потому что он дает представление о ее содержании до того, как ты книгу откроешь. Читать – работа тяжелая.

Перед тем, как погрузиться, надо убедиться, что воды, в которые ты собираешься прыгнуть – ароматные, а не зловонные. А как мы узнаем об этом? Только по обложке! Сейчас, в наши дни все писать начали! Каждый третий – автор книжки! У каждого бедняка – какой-никакой, а есть маленький кодекс в частной библиотеке! Коня нет, а кодекс – есть! Вот дожили! Эти... Как их там? Типографские прессы, адские машины, заполонили мир всякими дешевыми брошюрками.

Помощник. Но и мы с этими прессовщиками повязаны. Больше книг – больше и нам работы. Интролигатор. Наше искусство стало заметным, востребованным. Более востребованным, чем их собственное ремесло. Брошюрок с их текстиками полно, а вот обложки – только у лучших книг. Это мы ставим печать качества – обложку! И наша обложка сразу говорит, стоит ли читать.

Помощник. И Вроцлавская школа переплета – это ого-го!

Интролигатор. Ого-го, конечно! И ты, Марочек, имеешь честь работать с самым искусственным интролигатором Вроцлава! Ты же видишь, какие у меня важные заказы! От самого городского прокурора! Потому я тебе и не плачу. Потому что опыт, который ты у меня получаешь – цены не имеет!

Помощник. Но иногда и покушать хочется!

Интролигатор. Накушаешься, как мастером станешь! На, вот тут прошей! Если не прошить еще раз – разлезется! Большую книгу прокуроры написали!

Помощник. А какую тут обложку делать?

Интролигатор. Богатую, но не легомысленного вида. Это не простой текст. Текст для специалистов. Текст государственной важности!

Помощник. А как называется?

Интролигатор. Вот, по слогам разобрать можно: «Ли-бер про-ку-ра-то-рум!» Liber procuratorum! Все записи прокурорские с 1535 по 1571 год». Все что, что погань разная на Вроцлавской земле делала – тут аккуратно фиксировалось. Описание злодейств, приговоры – все!

Помощник. И правда, государственной важности книжка. Аж страшно к ней прикасаться.

Интролигатор. Страшно ему! Давай, неси вон ту большую кожаную обложку!

Помощник (Прикладывая обложку). Кажется, как-то некрасиво получается. Надо форзац дополнительно бумагой укрепить.

Интролигатор. Согласен, Марочек! Неси бумагу!

Помощник уходит за кулисы и быстро возвращается.

Помощник. Закончилась! Нет больше бумаги! Три дня ждать, пока новую привезут.

Интролигатор. Господа прокуроры три дня ждать не будут. Они нам, Марочек, уши открутят.

Помощник. А что делать?

Интролигатор. Тут нет беды. Видишь груды фолиантов? Это прокуроры привезли, расходники нам для работы. Сказали, если понадобятся подкладки для обложек или иллюстрации – можно использовать.

Помощник. Прямо из книжек вырывать? Из прокурорских?

Интролигатор. Это не прокурорские книжки! Это книжки, которые они конфисковали лет пятьдесят назад у какого-то русского. Рви смело из них бумагу и мне подавай!

Помощник открывает один их кодексов Доктора.

Помощник. Тут написано «Би-в-лия!», а тут – «Эк-ле-зи-аст»! Это Святое Писание, господин Интролигатор, как же его разобрать?

Интролигатор. Прокуроры предупреждали! Но это не настоящее Святое Писание. Смотри, там же кириллица! Православная ересь! Искращения Божьих заветов, ни к чему не годное! А тут хоть послужит доброму делу!

Помощник. Ой, как-то мне боязно из Библии страницы вырывать. Рвите, господин

Интролигатор, лучше вы сами!

Помощник подносит кодекс мастеру, тот быстрым движением вырывает из него страницу.

Мастер. На, клей под обложку! Это макулатура! Макулатура, Марочек!

Очень громко включается припев песни «It's the end of the world» группы R.E.M. Под эту музыку Интролигатор и Помощник продолжают разрывать книги Доктора. Внезапно свет гаснет и наступает тишина. На заднике сцены появляются буквы. Они возникают и складываются в слова ритмично, будто кто-то набирает текст на клавиатуре.

Понеже от прирожения звери
ходящая в пустыни
знають ямы своя
птици
летающие по въздуху
ведають гнезда своя
рибы
плывающие по морю и в реках
чуют виры своя
пчелы и тым подобная
боронять ульев своих
тако ж и люди
и где зродилися
и ускормлены суть по бозе
к тому месту
великую
ласку
имають